

САДРИДДИН АЙНИ ВА ЯҲУДИЁНИ БУХОРИ

САДРИДДИН АЙНИ
И БУХАРСКИЕ ЕВРЕИ

САДРИДДИН АЙНӢ ВА ЯХУДИЁНИ БУХОРИӢ

САДРИДДИН АЙНИ И БУХАРСКИЕ ЕВРЕИ

**Нашриёти «Ношир»
Хучанд 2011**

Мураттиб: Мансур Суруш

**Муҳаррирон: Қурбонали Раҳмонов
ва Вячеслав Семеров**

**Таҳти назари умумии номзади илмҳои филологӣ
Умридин Юсуфов**

Дар маҷмӯа як асари номаълуми асосгузори адабиёти муосири тоҷик Садриддин Айнӣ бо номи «Конститутсияи сталинӣ ва яҳудиҳои меҳнаткаш», ки аз соли 1938 дигарбора ба таъбиқ нарасидааст ва ба Куллииёти нависанда низ ворид нагардидааст, ҷой дода шудааст. Дар ин асар чехраи С.Айнӣ бори дигар ҳамчун воқеанигори ҳақиқӣ ва инсонпарвари бузург ҳувайдо мегардад.

Маҷмӯа барои доираи васеи хонандагон пешниҳод мешавад.

ISBN 978-99947-824-7-5

© Мансур Суруш

ДАР БОРАИ ЯК АСАРИ НОМАЪЛУМИ УСТОД АЙНӢ

Устод Садриддин Айни натанҳо нависанда ва олими бузург буд, балки ӯ устои беназири жанри публицистика низ ҳисоб гардида, ҳамчун солноманависи хақиқии воқеаҳои гуногуни даврони хеш номвар шудааст. Мероси хеле зиёди публицистии ӯ гувоҳи медиҳад, ки устои бузургвор ба муаммоҳои муҳиму рӯзмарра, ки ҷомеаро ба ташвиш меовард, чӣ қадар бо ҷӯшу хуруш ва моҳиятан ҳамовозӣ менамуд. Мақолаҳо, очеркҳо ва памфлетҳои ӯ дар тӯли тамоми ҳаёти эҷодӣ -зиёда аз панҷоҳ сол! - дарҷ гардида, дар нашрияҳои тоҷикӣ, ўзбекӣ, тоторӣ ва озарбойҷонӣ паҳну парешонанд ва то ҳол ба дараҷаи кофӣ омӯхта нашудаанд.

Масалан, тамоман ғайриҷашмдошт аст, ки Садриддин Айни муаллифи рисолаи ҳоло қариб фаромӯшшудаи бо рӯҳияи замон унвони “Конститутсияи сталинӣ ва яҳудиҳои меҳнаткаш”¹ дошта мебошад. Ин рисола соли 1938 дар Тошканд бо ҳуруфи лотинӣ, дар шакли хурд ва ба теъдоди кам ба нашр расида, ҳоло аз ҷумлаи китобҳои нодир маҳсуб мешавад.

Асари номбурда бо қадом сабабҳо ба Куллиёти осори С. Айни, ба мунтахаботи минбаъдаи нависанда ва инчунин ба маҷмӯаи дучилдаи осори публицистии ӯ дохил нагардидааст. Эҳтимол, ин масъала ба андешаҳои яктарафаи ноширон вобаста мебошад, ки он аз манъи шифоҳии (тақрибан соли 1940) инкишофи ҳаёти маънавий

¹ Нусхаи асли ин рисола дар бойгонии шахсии писари нависанда Камол Айни маҳфуз аст.

ва фархангии яҳудиён, аз ҷумла яҳудиёни бухорӣ сар задаанд. Маҳз дар ҳамон давра Театри давлатии яҳудиён дар Самарқанд барҳам дода шуда, рӯзномаи “Байрақи меҳнат”, ки ба шеваи яҳудиёни бухорӣ забони тоҷикӣ нашр мешуд, қатъ гардид.

Зимнан, рисолаи “Конститутсияи сталинӣ” ва яҳудиҳои меҳнаткаш” низ ба ҳамин шева нашр гардидааст. Бидуни шак, ин натиҷаи ислоҳи муҳаррирон аст, ки эҳтимол забони мақоларо ба оммаи васеи яҳудиёни бухорӣ, ки он вақт аксаран бесавод буданд, наздик ва фаҳмо кардаанд.

Ба ин асари Садриддин Айнӣ, ки дар он таърихи ҳаёти яҳудиёни бухорӣ то Инқилоби қабири сотсиалистии Октябр возеҳан тасвир ёфтааст, кас ошно гардида, боз як бори дигар ба хулоса меояд, ки эҷодиёти устод бисёрчабха буда, худи ӯ чӣ қадар инсонпарвари бузург мебошад.

Чи навъе ки маълум аст, таърихи паҳну парешон гардидани халқи яҳудӣ ба умқи асрҳои қадим мерасад. Тақрибан 2500 сол муқаддам аз тарафи шоҳи ассириягӣ Сарғони II ва ҳокими вавилон Навуходонсори II сарзамини яҳудиён тасарруф гардида, пас аз он ҷараёни дуру дарози паҳншавии ин халқ аз ватан ва пайдоиши ҷамоатҳои бисёрӣ он дар минтақаҳои гуногуни кураи замин оғоз гардид. Ба ҳамин минвол гурезаҳои яҳудӣ ба ҷустуҷӯи қисмати беҳтар дар ҳудуди Осиёи Миёна аз тариқи Эрон ва дигар давлатҳои ҳамҳудуд пайдо гардиданд.

Яҳудиён дар Марв, Урганҷ, Хива, Самарқанд, Бухоро, Шаҳрисабз, Қўқанд ва дигар шаҳрҳои Осиёи Миёна маскун шуданд ва хусусиятҳои гуногуни халқҳои маҳаллиро қабул намуда, тадричан ҳамчун миллати махсус ташаккул ёфтанд.

Онҳо унвони “яҳудиёни бухорӣ”-ро дар давраи ҳукмронии Амир Темур, дар охири асри XIV ва аввали

асри XV ба худ гирифтаанд. Маҳз дар ҳамон замон “ланги оҳанинрой” дар ҷумлаи ҳазорон гуломони дигар оилаҳои яҳудиёро аз Бухоро овард, то Самарқанди харобкардаашро обод намояд ва ҳамон вақт унвони “яҳудиёни бухорӣ” ҳам пайдо шуд.

Садриддин Айнӣ, ки зиндагии ӯ бештар дар Бухоро ва Самарқанд гузаштааст ва дар ин шаҳрҳо аксарияти яҳудиёни бухорӣ ё ба тарзи дигар яҳудиёни маҳаллӣ буду бош доштанд, ба паҳлуҳои гуногуни ҳаёти ин гурӯҳи этникӣ диққат надода наметавонист. Устод ҳанӯз дар давраи муҳассили мадраса буданаш рӯзгори маишӣ, урфу одат, фаъолияти касбии онҳоро, ки ба таври анъанавӣ бо корҳои пардозгарӣ, бофандагӣ ва савдо машғул мешуданд, дақиқан мушоҳида менамуд. Бинобар ин нависанда мавқеи маҳдуди ҷамъиятии яҳудиёни бухориёро дар аморати Бухоро ҳаққонӣ ва мувассасқ нишон додааст.

Пӯшида нест, ки пеш аз инқилоб аҳолии камбағали мамлакат душвории зиёдеро аз сар мегузаронд, вале он чизҳоеро, ки яҳудиён, хусусан гурӯҳи кашшоку бенавои онҳо ба сар мебарданд, ба ибораи муаллифи рисола, “аз тоқати одамӣ берун буданд”.

Устод Айнӣ поймолкунии ҳуқуқҳои миллатҳои хурдро пурра маҳкум намуда, дар хусуси он менависад, ки яҳудиёни бухорӣ на танҳо ба истисмори яктарафа, балки дутарафа, ҳатто панҷтарафа гирифтдор буданд. Ҳаёти яҳудиён аз таваллуд то марг бо даҳҳо маҳдудиятҳои на фақат беадолатона, балки таҳқиромез зери фишор қарор дошт.

Яҳудиён вазифадор буданд, ки фақат дар минтақаи маҳсуси барои онҳо ҷудошуда зиндагӣ кунанд; ҳуқуқ надоштанд, ки дар ҳудуди шаҳр савора гарданд; ҳини ба кӯча баромадан ҳатман бояд бо канаб миёнашонро

мебастанд, ки ин нишонаи фарқкунандаи вазъи беҳукукии онҳо буд; аз синни 13-солагӣ сар карда, соли ду бор хирочи “чизя” месупориданд, ки хосатан барои номусулмонҳо таъин гардида буд ва зимни ситонидани хироч маъмур яҳудиро ду торсақӣ мезад ва ғайра.

Яҳудиён ҳатто дар чунин шароит ҳам ба маҳорати ҳайратангези худ дар муҳити бегона мутобиқат намуда, ҳеҷ вақт ноумед намегардиданд ва ба мазҳабу анъанаи худ такая карда, бар алайҳи таассуб бобақою пойдор буданд, ки ҳуди ҳамин далел дар таърихи инсоният беназиру хориқа аст.

Бояд зикр намуд, ки дар адабиёти халқҳои Осиёи Миёна устод Айнӣ адиби нахустин нест, ки дар мисоли аҳолии яҳудӣ тоқатнопазирӣ, беҳукуқӣ ва риоянагардидани оддитарин ҳукуқи намояндагони миллатҳои хурд ҳамчун унсурони “бегона” дар шароити ҷомеаи феодалӣ ба ҳимояи онҳо садои худро баланд кардааст. Шоира Дилшоди Барно, ки дар нимаи дуюми асри XIX ва ибтидои асри XX зиндагӣ кардааст, бахшида ба яҳудиён шеърҳои таъсирбахш ва дар он давра ғайриоддӣ навиштааст. Аз ин шеърҳо, ки дар асари тадқиқотии академик Аҳрор Мухторов дар бораи Дилшод ва мақоми ӯ дар таърихи афкори ҷамъиятии халқи тоҷик пурра таҳлил гардидаанд, мо дарк менамоем, ки шоира ҳамаи хурофоти наҷодпарастиро бартараф карда, ҳукуқи яҳудиёнро бо ҳукуқи дигар халқҳое, ки онҳо дар байнашон зиндагӣ доранд, баробар хондааст. Зиёда аз ин ӯ суҳанони танқидии худро ба муқобили яҳудибадбинон, ки онҳо ин одамони беҳукукро таҳқир менамуданд, равона кардааст.

Вале бо вучуди тамоми афзалиятҳои он ашъори Дилшоди Барно мо дар он мисли мақолаи Садриддин Айнӣ “Конститутсияи сталинӣ ва яҳудиҳои меҳнаткаш”

муносибати гоъиве, ки дар заминаи фаҳмиши таърихии муносибатҳои байналмилалӣ асоснок шуда бошад, ба мушоҳида намерасад. (Ба маънои васеъ ин муносибати халқҳо дар соҳаҳои гуногун, аз қабилӣ сиёсат, иқтисодиёт, фарҳанг ва ғайра мебошад. Ба маънои маҳдуд ин муносибатҳои байнишахсии одамони миллатҳои гуногун дар соҳаҳои меҳнатӣ, оилавию маишӣ ва дигар намудҳои муносибатҳои ғайрирасмӣ аст). Муаллифи рисола сайъ кардааст, ки ҷанбаҳои ҳам сиёсӣ иқтисодӣ, ҳам иҷтимоӣ руҳиявии вазъияти ҳамонвақтаи ҷамоати яҳудиёни Осиёи Миёнаро инъикос намояд.

Устод Айнӣ бо таҳлили вазъияти яҳудиёни бухорӣ дар соҳаи муносибатҳои миллӣ дар мақолаи худ сиёсати мунофиқонаи маъмурони аморатро фош месозад, зеро онҳо дар ин қор манфиат доштанд. Масалан, маҳдудиятҳои, ки мо дар боло зикр намудем ва барои ҳалалдор сохтани онҳо яҳудии камбағал то ба ҳадди қатл ҷазоҳои саҳт мегирифт, ба яҳудиёни сарватманд ҳеч дахл надоштанд.

Мо аз рисолаи устод возеҳан мебинем, ки ғойтуни яҳудии миллионер бо суръат ҳаракат карда, дар чорраҳа марқаби Ҳайми майдасавдогарро, ки ба бозор бист дона мурғ мебурд, зада ба лой меғалтонад, аммо одамони миришаб-ҳомӣ тартибот ба ин ҷашм мепошанд, гӯё ҳеч чиз ба вуқӯ наомада бошад. Ашроғони давлатманд, ки ба қисмати асосии яҳудиёни бухорӣ ҳамчун ба табақаи ҷузум муносибат доштанд, дар айнаи ҳол бо тоҷирон ва соҳибқорони бадавлати яҳудиёни бухорӣ, ки дар вақтҳои тангдастӣ ҳатто ба амир низ пул қарз дода метавонистанд, муносибати наздики дӯстӣ ва ҳамкорӣ доштанд. Масалан, қозӣ Исоҳон дар Самарқанд забҳи ҳайвонотро аз ҷониби қассобони яҳудӣ барои мусулмонон ҳаром гӯён ғатво дода, бо ҳамин ба яҳудиёни камбағал зарари қалон

мерасонад ва акнун онон гӯшти секарата кимати кошар (ҳалол) мехаранду бо ҳамин васила зарари гӯшти тарефа (ҳаром)-ро мепӯшонанд. Ҳамин қозӣ Исоҳон миллионер Фузайловро, ки яке аз сарватмандтарин одамони аз байни яҳудиён ба шумор мерафт, ба хонаи худ бо иззату икромӣ бисёр қабул менамояд.

Ин лавҳа нишон медиҳад, ки рӯҳияи яҳудибадбинӣ дар Туркистони русҳо -Самарқанд, Тошканд, Фарғона ниҷой доштааст. Ғайр аз ин, чи тавре ки Айнӣ менависад, сиёсати яҳудибадбинӣ, ки аз тарафи маъмурони рус бо шакли мармуз татбиқ мегардид, агар инқилоби Октябр ба амал намеомад, оқибат бо қатли оми мудҳише барои яҳудиёни Туркистон анҷом меёфт.

Инқилоб халқҳо, аз ҷумла, халқи яҳудиҳо аз асорат озод намуда, ҳуқуқҳо ва озодии онҳоро дар шакли Конституция қонунӣ гардонд. Яҳудиёни бухорӣ дар таърихи бисёрасраи худ нахустин бор имконият ёфтанд, ки забони модарии хешро озодона истифода намоянд, урфу одатҳои хосашонро риоя намуда, фарҳанги миллиашонро тараққӣ диҳанд, таҳсил бикунанд ва ғайра. Аммо чи тавре ки дар боло гуфтем, пас аз гузашти солҳо ин сиёсат нисбат ба яҳудиён, аз ҷумла роҷеъ ба яҳудиёни бухорӣ ҳам, тибқи амри ғайрирасмӣ гардиши баръаксӣ худро ёфт.

Зимнан, дар дигар асарҳои Садриддин Айнӣ ҳам, ки хеле пеш аз “Конституцияи сталинӣ ва яҳудиҳои меҳнаткаш” ҷоп гардидаанд, аз яҳудиён ёдоварӣ карда шудааст. Масалан, устод дар повести таърихии худ “Ҷаллодони Бухоро” воқеаи қатли ҷадидҳоро тасвир намуда, дар байни талафшудагони ҷабру зулми аморатҳои яҳудии бухорӣ Авраам Юнусовро зикр кардааст, ки ӯ дар олами тираи мамлакат кӯшиши ворид сохтани ислохотро дошт ва барои ин ҳаёташро бохт.

Ин воқеаи ваҳшиёна кушта шудани А. Юнусов ва ду нафар писарони ӯ дар китоби яке аз асосгузори санъати нави театрии Ўзбекистон, Ҳунарпешаи халқии Иттиҳоди Шӯравӣ, яҳудии бухорӣ Мирям Якубова “Ман ҳунарпеша” низ зикр гардидааст.

Устод Айнӣ дар бораи шашмақомхони машҳур, яҳудии бухорӣ Левӣ Бобохонов мақолаи алоҳида навишта, ӯро бо суханони самимӣ ва боҳарорат тавсиф кардааст.

Бояст қайд намуд, ки бо имдоду ҳамкориҳои фаъолонаи Садриддин Айнӣ ва Левӣ Бобохонов соли 1907 дар Тошканд “Лугати мухтасари тоҷикии шеваи сокинони маҳалли Бухоро бо тарҷумааш ба ибрӣ ва русӣ” нашр гардид, ки аз тарафи авлоди рангмолони маслакии бухорӣ Довуд Койлаков мураббаъ шуда буд. Ҳамон вақт интишор ёфтани ин луғати сезабона воқеаи бузурги ҳаёти маданияи ҳамкишвари Туркистон ва ҳамаморати Бухоро гардидааст. Баъдан Д. Койлаков соли 1937 ба таърифи гирифта шуд.

Тибқи маълумоти раиси собиқи маркази фарҳангии яҳудиён “Ҳоверим” дар Душанбе, рӯзноманигори собиқадор, равшод Миерхаим Гавриэлов, ки аз бачагӣ Садриддин Айниро мешинохт, устод бо осори шоир ва олими талмудшинос Шимуни Ҳохом (1843-1910) муаррифи доштааст. Ин шоир ва олим ба маърифати мазҳабии аҳолии яҳудиён дар аморати Бухоро ва инкишофи адабиёт ба шеваи яҳудиёни бухорӣ саҳми калон гузоштааст. Мавриди зикр аст, ки ин шахси бомаърифат асосгузори аввалин маҳаллаи яҳудиёни бухорӣ дар Байтулмақаддас - Шхунат Бухарим мебошад. Соли 1999 ба шарафи 100-солагии ӯ дар Исроил маркаи почта бо акси Шимуни Ҳохом интишор гардидааст.

Гуфтаи зарур аст, ки рисолаи устод Айнӣ “Конститутсияи сталинӣ ва яҳудиҳои меҳнаткаш” аз бисёр

чиҳат бо манзумаи машҳури Шоири халқии Ўзбекистон Гафур Гулом “Ман -яҳудиям” ҳамоҳанг аст, ки ин шеър дар замони пургалаёни Холокост-кӯшиши бадқасдонаи натсистиони гитлерӣ бо қасди аз беҳу бун барқандани яҳудиён навишта шуда буд.

Ҳайратовар он аст, ки ин рисолаи устод Айнӣ солҳои минбаъд аз маркази диққати олимони айнишиносон дур монда, дар ягон асари тадқиқотии бахшида ба эҷодиёти ӯ инъикос наёфтааст. Дар асарҳои намояндагони насли калонсоли адабиёти яҳудиёни бухорӣ Муҳиб (Мордехай Бачаев), Арон Шаламуев, Гавриэл Самандаров ва дигарон низ ба ин рисола ишора карда нашудааст.

Ҳамчунин илова бояд кард, ки масъалаи яҳудиён дар Русия ва дигар кишварҳои аврупоӣ низ ҳамеша вучуд дошт. Бинобар ин мавзӯи яҳудиён тавачҷӯхи бисёр арбобони дорои ақидаҳои демократиро ба худ ҷалб менамуд. Махсусан, дар даврае, ки “Кори Бейлис” шиддат ёфта, тамоми Русияи мутараққиро ба дард оварда буд, дар бораи яҳудиён М.Горкий, В.Короленко, В. Брюсов асарҳо менавиштанд.

Бафикриморисолаи Садриддин Айнӣ “Конститутсияи сталинӣ ва яҳудиҳои меҳнаткаш” аз тарафи айнишиносон баҳои сазовор гирифта, дар байни осори публицистии устод мавқеи хоси худро меёбад.

Имрӯз, ки Тоҷикистон соҳибистиклол гардида, ба сиёсати таъмин намудани ҳуқуқҳои миллатҳои хурд ва эътидоли муносибати байни миллатҳо садоқату устуворӣ дорад, омӯхтани таҷрибаи солҳои гузашта аҳамияти хосеро молиқ аст.

Садриддин Айни

КОНСТИТУТСИЯИ СТАЛИНӢ ВА ЯҲУДИҶОИ МЕҲНАТКАШ

Тошканд -1938

Яке аз миллатҳои майда дар Осиёи Миёна, ки асрҳо боз то инқилоби Октябри кабир зулм дида буданд, яҳудиҳои бухорӣ, ба таъбири дигар, яҳудиҳои маҳаллиянд. Ин миллати майдаи мазлум пештар на ин ки яктарафа, балки чортарафа, панҷтарафа зулм медид.

Мо зиндагии онҳоро дар Бухорои даври амирӣ тасвир менамоем. Маълум аст, ки дар Бухорои амирӣ фақир ва меҳнаткшони ҳамаи миллатҳо беҳуқуқ, зулмдида ва азобкашида буданд. Аммо беҳуқуқӣ, зулм, азоб ва таҳқир ёфтани миллати яҳудӣ, махсусан фақирони он, аз тоқати одамі берун буданд.

Масалан, яҳудиҳои бухорӣ дар Бухоро ба ғайр аз он маҳаллае, ки барои онҳо муайян шуда буд, ҳақ надоштанд, ки дар ҷои дигар барои худ хона ва ҷой кунанд; лозим буд, ки дарвозаи онҳо аз дарвозаи мусулмонҳо ним олчин паст буда, остонаи дарвозаҳои онҳо ҳам аз замини кӯча қадаре ҷуқуртар бошад.

Яҳудиҳои, ки гови ҷӯшӣ ва хару асп доштанд, маҷбур буданд, ки дар ду тарафи остонаи ҳавлиашон ба қадри ним олчин ҷуқурӣ кананд, то ки аз он ҷо – худашон ва ҳайвоноташон ба ҳавлӣ даромада-баромада тавонанд. Ва инчунин яҳудиҳо маҷбур буданд, ки дар сари дарвозаашон як байрақчаи хурд овезанд, то ки ҳар бинанда дар авали назар донад, ки ин ҳавлии яҳудӣ аст.

Яҳудиҳо ҳақ надоштанд, ки дар даруни шаҳр савора гарданд. Яҳудиҳои, ки кишлоқгардӣ мекарданд, маҷбур буданд аз хонаҳои онҳо то дарвозаи шаҳр ва дар бозгашт то хонаашон ҳайвони савориашонро етак карда, дар даруни шаҳр худашон пиёда гарданд.

Яҳудиҳо маҷбур буданд, ки дар закот ва дигар вочибиятҳои подшоҳӣ нисбат ба мусулмонҳо дучанд андоз диҳанд. Андозҳои подшоҳии Бухоро, ки дар асл бисёр

вазнин буданд, дучанд шудани онҳо дар ҳаққи яҳудиҳо, махсусан барои яҳудиҳои фақир ва меҳнаткаш тоқатшикан буд.

Ғайр аз ин андозҳо як андози махсуси яҳудиҳо буд, ки онро «қизя» меномиданд. Қизяро амалдорҳои амир соле ду бор ба маҳалла рафта, ба воситаи калонтар мерӯёнданд. Андози қизя нисбат ба андозҳои дигар дар ҳақи яҳудиён як зулми гарони молиявӣ бошад, тарзи рӯёндани он як беҳуқуқии дигар ва як ҳақорати калон дар ҳақи яҳудиҳо буд.

Соле ду бор амалдорҳои амир ба маҳалла рафта, ба воситаи калонтар андози қизяро мерӯёнданд. Амалдор аз ҳар як яҳудие, ки андози қизяро гирифт, ба рӯи он бечора бо тарсакии мурдори худ шапалоқ мезад. Баъзе одамҳои бетарбия, ки дар вақти рӯёндани қизя барои «тамошо» дар маҳалла гун мешуданд, аз ин кори амалдорҳо қоҳқоҳзанон меҳандиданд ва бо ин хичолати яҳудии ҳақоратдида ва зарбхӯрдари дучандон мекарданд.

Либоси яҳудиҳо ҳам дар Бухоро ба тарзи махсус – ба тарзи ҳақоратомез буд: ҳар яҳудӣ маҷбур буд, ки ҷомаи майданақши қабудчаи зеҳшерозияш борик пӯшад ва аз рӯи он бо як қанаб миёнашро бандад. Телпаки онҳо ҳам чортарки белабаки абрааш шайтонпӯстии сиёҳ буд.

Ҳар яҳудӣ, ки ин тарзи либоспӯширо вайрон карда, масалан миён набаста кӯча баромада, ба дасти одамҳои раис афтад, ўро кашон – кашон ба маҳкама мебарданд. Раис ўро бепурсиш бараҳна карда, ба пушташ як ё понздаҳ ва ё ин ки сивунӯҳ дарра мезад ва дар болои ин як миқдор «чаримона» ҳам мегирифт.

Яҳудиҳо бо андак гуноҳ ба куштан ҳукм мешуданд. Онҳоро аз марғ танҳо мусулмоншавӣ ҳалос мекард (чаламусулмонхое, ки дар Бухоро буданд ва ҳамеша дар

маҳаллаи яҳудиҳо ё ки дар ҳамсоғии онҳо зиндагӣ карда, ҳар вақт ба тарзи пинҳонӣ расмҳои яҳудигиро, масалан шанбегиро ба ҷой меоварданд, ин гуна яҳудиҳо маҷбуран мусулмон шуда буданд).

Дар одати аслии ва динии яҳудиён рӯи пӯшидани занҳо ва духтарҳо аз мардҳо набошад ҳам, ҳукумати амир маҷбур карда буд, ки занҳояшон бо фаранҷӣ ва чашмбанд гарданд. Фаранҷигирии занҳои яҳудӣ ҳам ба тарзи ҳақоратомез буд: яҳудизан маҷбур буд, ки дар як тарафи фаранҷиаш як парча латтаи сиёҳ кӯк кунад, то ки ҳар бинанда дар назари аввал донанд, ки ин зан яҳудӣ аст.

Албатта, ин ҳама ҳақорат ва беҳуқуқӣ, ки дар ин ҷо ном бурда шуд, нисбат ба омма – ба фақир, меҳнаткаш, косиб ва майдафурӯшандаҳои яҳудиҳо буд. Аммо бойҳо ва калонтарҳои яҳудӣ имтиёзи махсуси ғайрирасмӣ доштанд.

Масалан, мо медидем, дар вақте ки Ҳайми яҳудӣ бист дона мурғи зиндаро ба болои хари худ бор карда, харашро пеш андохта бо маҳси даридагии пайтобаҳояш аз нӯкаш баромада, аз дарвозаи шаҳр даромада, дар кӯчаҳои лои Бухоро пиёда гашта, ба хонааш мерафт, дар ҳамин вақт яҳудии миллионер бо ғайтуни дуаспаи аспаш амриконӣ аз дарвозаи шаҳр даромада, хари Ҳаймиро бо қаноти ғайтунаш зада, ба лой ғалтонда гузашта мерафт.

Одамҳои миршаб ва раис «шояд ягон бетартибӣ карда, сазовори ҷазо ва ҷарима шавад»- ғӯён чашмашонро аз Ҳайми ва аз хари ӯ намеканданд, аз тараққосзанон гузашта рафтани ғайтуни хӯҷаини миллионер чашм мепӯшиданд.

Ё мо медидем дар вақте ки Мурдахайи рангрёз барои ба ҳавличаи худ даровардани гови ҷӯшоияш аз дарвозачеки паस्ताки остонаи чуқур азоб мекашид, Ҳайми калонтар ба

аспи юрга савора дартоз омада, аз дарвозаи калони ҳавлии дуошӯнаи сангинаш савора даромада мерафт.

Оммаи меҳнаткаши яҳудӣ ва косибони онҳо аз бой ва калонтарҳои худашон ҳам кам зулм намедиданд. Бой ва калонтар дар ҳақи яҳудии бечора ва косиб ҳар зулме, ки хоҳад, карда метавонист. Ҳатто агар яҳудии бой ё калонтар як яҳудии бечораро баста мезад, ӯ ҳақ надошт, ки овоз баланд кунад. Нимкалонтар ва бойчаҳо ҳам ӯро «насиҳат» дода мегуфтанд: «Ҳап шин, шаттаи калонҳо дору аст, овозатро набарор, сар кафад таги тоқӣ».

Агар ин гуна яҳудии зулмдида «кор ба чон ва корд ба устухонаш» расида овоз баланд мекард, даррав калонтар ӯро ба маҳкамаи амирӣ бурда ҳабс мекунонд, ҷарима меандозонд ва таазир мекунонд (бо дара мезанонд).

Оммаи яҳудӣ аз расму одоти кӯҳна ва динӣ ҳам камтар зулм намедид.

Масалан, масъалаи «кошер-тарефо» Масъалаи «кошер-тарефо» дар асл масъалаи динӣ буда, дар дасти бойҳо ва муллоҳо яке аз воситаҳои дар байни миллатҳо адоват андохтан ва онҳоро аз ҳам ҷудо кардан буд.

Муллоҳои яҳудӣ куштани ҳайвонотро дар ихтиёри худ дароварда буданд. Муллои яҳудӣ барои гирифтани як «ҳақи» муайян аз ҳар моли кушташаванда яҳудихоӣ меҳнаткашро маҷбур мекард, ки онҳо гӯштро аз нархи арзишаш дучандон киматтар гирифта хӯранд. Чунки қассоби яҳудӣ гӯшти гову гӯсфанди аз тарафи мулло тарефо нишондода шударо бо нархи арзонтар аз нархи арзишаш ба мусулмонҳо ва зарари аз тарефо дидашударо ба кошер зам карда, онро ба нархи аз арзишаш дучандон зиёдтар ба меҳнаткаши яҳудӣ меод.

Мақтаби кӯҳнаи яҳудихо ҳам чун мақтаби кӯҳнаи мусулмонҳо буд, ваҳшиёна ва бедонишона буд. Яҳудибача

чанд сол дар он чо хонда, танхо дуоҳо ва расму одатҳои диниро забони ёд гирифта мебаромад. Ин буд, ки дар байни яҳудиҳо дуохон ва фолбин ҳокими мутлақ буд. Яҳудии меҳнаткаш бемор шуда, ғайр аз ба доми дуохон афтодан чораи дигаре надошт. Меҳнаткаши яҳудӣ на танҳо аз тарафи дуохонҳои худ, ҳатто аз тарафи дуохон ва эшонҳои мусулмон ҳам тороч медид.

Падар ё фарзанд ва ё бародари як яҳудии касиб, масалан, аз чиҳати тангии маишат ва саҳтии зиндагонӣ ба бемории рӯҳӣ (демонагӣ) гирифтोर мешуд, он бемордор ба гулӯи худ ва бозичаҳои худ «сих зада» хӯрокворихои ҳаррӯзаашро ба даҳони дуохонии яҳудӣ сарф карда, бемори худро меҳонд. Албатта, бемор сихат намешуд. Баъд аз он, ӯ он беморро ба ҳавлии хоҷаубони мусулмон бурда, дар тағхонаи ӯ ишкелбанд карда мемонд. Эшон дар бадали ин ки ба бемор хӯрок надода, ҳар рӯз ӯро ду бор қамчинкорӣ мекунонд, боқимондаи асбоби хонаи бемордорро фурӯшонда мегирифт.

Дар натиҷаи ин бемор дар тағхонаи эшон, ё боз гашта омада, дар хонаи худ мемурд. Пасмондаҳои ӯ, ки аз ҳама чизхояшон ҷудо шуда буданд, аз вай бадтар девонатар шуда мемонданд.

(Инҳо ҳақиқатҳое мебошанд, ки ҷавонҳои сотсиалистии хушбахти имрӯзаи яҳудиҳо наредонанд. Лекин ҳақиқатҳои таърихӣ талханд, омӯхтан даркор аст, то ки кадри ҳаёти имрӯзаро донанд).

Дар ҳолате, ки бойҳои яҳудӣ дар пеши мусулмонҳо, хусусан дар пеши мусулмонҳои бойҳо «хӯчаини мӯхтарам» ҳисоб меёфтанд, меҳнаткашони яҳудиро мусулмонҳо, хусусан бойтар ва ба худ тинҷтар, бесабаб ва баҳона «дуртар рав, кали ҷухуд» гуфта ҳақорат медоданд.

Яҳудиҳои бухорӣ дар Бухорои даври амирӣ аз

ҳаракатҳои яҳудибадбинӣ ҳам хело азоб мекашиданд. Чунон ки дар Русияи қорӣ яҳудибадбинҳо яҳудиҳоро ба дуздада куштани бачаҳо тӯҳмат карда, ба онҳо қатли ом тайёр мекарданд ва ба амал меоварданд, дар Бухоро ҳам ин игво ва тӯҳматро ба яҳудиҳо мекарданд. Дар Бухоро яҳудибанбинҳо овоза мекарданд, ки яҳудиҳо бачаи мусулмонҳоро дуздада, дар маросимҳои динии худ ўро мекушанд ва хуни ўро ба қор мебаранд. Ҳарчанд ин гуна овозаҳо дар Бухоро сабаби қатли ом нашуд ва омма ба зудӣ дурӯғ будани ин овозаҳоро фаҳмид, содадилҳо ба шубҳа афтада, дар ҳақи яҳудиҳо бадгумон мешуданд ва дар ҳақорат кардани онҳо зиёдтар кӯшиш мекарданд.

Дар Туркистони русии қорӣ – дар Самарқанд, Тошқанд ва Фарғона ҳам аҳволи яҳудиҳо то инқилоби Октябри қабил аз Бухоро монандӣ надошт, ҳатто дар баъзе қор аз Бухоро зиёдтар зулм меиданд. Ҳарчанд маъмурони қорӣ дар аввалҳои гирифтани Туркистон барои дар он қойғир намудани ҳокимияти худашон аз яҳудиҳо фоида бурдани шуда, ба онҳо як дараҷа муросо мекарданд, аммо дере нагузашта онҳо ин сиёсати худро дигар карданд. Яҳудиҳоеро, ки то омадани аскарҳои сармоядорони русӣ дар Туркистон буданд, валекин дар Туркистон будани худро исбот карда наметавонишанд, аз ҳуқуқи граждани тамоман маҳрум карда, онҳоро раъияи худ намешинохтанд. Ин гунна яҳудии бечора дар заминҳои осмон муаллақ монда, қӣ қор қарданаширо намедонист. Модоме, ки ў аз раъияи русӣ будан маҳрум буд, қой ва пуле ҳам надошт, ки аз Туркистон баромада равад. Азбаски, пеш аз омадани сармоядорони рус дар Туркистон дафтари шаҳодатномаи таваллуд ва дигар ҳуҷҷатҳои мадани набуд, яҳудиҳои меҳнатқаш бо ҳеч роҳ туркистонӣ будани худро исбот карда наметавонишанд. Ин як зулме буд, ки дар

Бухоро набуд.

Ҳаракатҳои яҳудибадбинӣ ҳам дар Туркистон аз Бухоро зиёдтар буд. Зеро дар ин ҷо маъмуриҳои ҷорӣ бо роҳҳои гуногун мардумро ба муқобили яҳудиҳо ба газаб меоварданд. (Агар ҷанги ҷаҳонӣ сар шуда дар паси он Инқилоби Октябр ба вуҷуд намеомад, дар Туркистон бадтарин қатлу торочгарихоро дар ҳақи яҳудиҳо ба амал меоварданд).

Яке аз ҳаракатҳои яҳудибадбинӣ дар Туркистон худро дар масъалаи гӯшт нишон дод: яҳудибадбинҳо ва муллоҳои Самарқанд пул дода, иғво карда, онҳоро ба сари ин оварданд, ки ба ҳаром будани гӯшти ҳайвоноти яҳудиҳо куштагӣ фатво доданд. Ин аҳвол ба вазъияти иқтисодии яҳудиҳо бисёр саҳт таъсир кард. Зеро қассоби яҳудӣ маҷбур буд, ки гӯшти ҳар як ҳайвони «тарефо» баромадаро бурда гӯронад ва ҳамаи зарраҳоро ба болои гӯшти «кошер» зам кунад. Дар ин сурат гоҳо пули ду гӯсфанди «тарефо» баромада ба як гӯсфанди «кошер» зам шуда, яҳудии меҳнаткаш ба ҷои як сӯм се сӯм сарф карда гӯшт меҳӯрд. Ё маҷбур мешуд, ки гӯшт нахӯрад.

Боз дубора тақрор кардан лозим аст, ки ҳамаи инҳо нисбат ба оммаи яҳудиҳои меҳнаткаш буд, бойҳои яҳудӣ бошанд бо зӯри пул аз ҳар чиз ғоида мебурданд. Масалан, пахтачиҳои миллионери яҳудӣ ҳам, ки дар Фарғона буданд ва дар вақти инқилоб ба тарафи мухториатчиҳо гузаштанд, бухорӣ буданд ва баъд аз ҷанд соли Фарғонаро гирифтани аскарҳои ҳукумати подшоҳӣ аз Бухоро ба Фарғона кӯчида, савдохона кушода буданд. Аммо ҳеч як маъмур аз онҳо намекурсид, ки «асли ту аз кучояст ва барои туркистонӣ будани худ ҳуччат нишон деҳ». Инчунин қозӣ Исоҳони Самарқандӣ, ки барои ҳаром будани гӯшти ҳайвоноти яҳудиҳо куштагӣ фатво баровард, аз ҳама зиёд Фузайлуфи

миллионери яхудиро иззат мекард. Монанди Фузайлуф, миллионерҳои яхудӣ дар хонаи қозӣ Исохони Самарқандӣ аз ҳама болотар менишастанд.

Инқилоби сотсиалистии Октябр ин режимро, ки яхудии фақири косибро хонавайрон мекард, зеро забаркард. Занҳо ва мардҳои яхудиро дар ҳамаи ҳуқуқ бо ҳамаи граждони советӣ баробар намуд. Яхудии ҳоро, ки аз ҳуқуқи деҳқонӣ ва заминдорӣ маҳрум буданд, соҳибзамин карда аз онҳо колхозҳо ташкил намуд, дари фабрика ва заводҳо барои занҳо ва мардҳои меҳнаткаши яхудӣ во кард. Барои фарзандҳои яхудӣ дар забони худашон мактабҳои ибтидоӣ, миёнаи номукамал ва миёна кушод, балки барои болотар таҳсил додани онҳо дари мактабҳои тоҷикӣ, ўзбакӣ ва русиро во кард. Имрӯз фарзандҳои бухорӣ – маҳаллӣ на танҳо дар Осиёи Миёна. Балки дар Москва ва Ленинград бо ёрмандии калони ҳукумат дар мактабҳои олии умумисоюзӣ ҳамроҳи фарзандҳои миллатҳои дигари ватани азизи сотсиалистии васеи мо меҳонанд.

Имрӯз колхозчиҳои яхудӣ дар пахтакорӣ ва боғдорӣ, дар ғаллакорӣ ва кирмакдорӣ аз колхозчиҳои миллатҳои, ки пушт ба пушт аз падару бобо дар хоҷагии қишлоқ кор карда омаданд, ақиб намонда, кор карда истодаанд. Имрӯз стахановчиҳои миллатҳои дигар бо якдигар худашон мусобиқаи сотсиалистӣ мебаранд. Имрӯз аълочиҳои яхудӣ дар мактабҳо ва омӯзишгоҳҳо нисбат ба шумораи худ аз аълочиҳои миллатҳои дигар кам нестанд. Имрӯз маданияти шаклан миллий, мазмунан сотсиалистии яхудӣ пеш меравад. Имрӯз санъаткорҳо ва бадеҳачиҳои яхудӣ дар шаклҳои миллий бо мазмунҳои сотсиалистӣ дар пеш бурдани санъати советӣ кор мекунанд. Имрӯз занҳо, духтарҳо ва мардҳои яхудӣ дар идораҳои партиявӣ, советӣ, ҷамоатӣ бо тамоми ҳуқуқ монанди меҳнаткашони миллатҳои

дигари советӣ кор мекунад ва роҳбарӣ менамоянд. Имрӯз меҳнаткашони яҳудӣ бо миллатҳои дигари бародаронаи советӣ дар курортҳо ва истироҳатгоҳҳо дам мегиранд ва шифо меёбанд.

Конститутсияи Сталиний, ки демократитарини конститутсияҳои ҷаҳон аст, ана ҳамин ҳуқуқҳо ва галабаҳоеро, ки аз инқилоби сотсиалистии Октябри қабир миллати мазлумӣ пештараи яҳудӣ дар қатори миллатҳои дигари советӣ дар баробари онҳо ба даст даровардааст, қайд кард, ки бо дасти пуриқтидор ва пурқори Сталини қабир навишта ба ҳудашон дод.

Мувофиқи ин Конститутсияи Сталиний зану марди 18 – сола барои яҳудиҳо ҳам, дар қатори миллатҳои дигари советӣ дар сайловҳои Совети Олии СССР ҳамроҳӣ карданд. Ва инчунин онҳо мувофиқи Конститутсияи Ҷумҳурии Сотсиалистии Ўзбекистон, ки дар асоси Конститутсияи Сталинии СССР навишта шудааст, дар интихоботи Совети Олии Ўзбекистон ва органҳои пойинии он ҳамроҳӣ хоҳанд кард.

Конститутсияи Сталиний дар ҳамаи миллатҳои СССР баробарҳуқуқиро, ки таърих мислашро то ҳол нишон намодааст, дод. Ҳамаи миллатҳо аз ҳуқуқҳои, ки Конститутсия додаст, баробар фоида мебаранд. Лекин дар урф мегӯянд, ки «қадри об ба қадри ташнагӣ аст, лаззати нон ба қадри гушнагӣ аст». Миллати яҳудӣ, ки мазлумтарини миллатҳо дар Осиеи Миёна буд, қадри ин Конститутсияро аз ҳама бештар хоҳад донист ва аз ин ҳуқуқ аз ҳама зиёдтар лаззатҳо хоҳад бурд. Хусусан дар замоне, ки фашизм миллати яҳудиро дар хоки худ поймол карда, онҳоро кушта, хонаву ҷояшонро тороч карда истодааст, Конститутсияи Сталинии советӣ онҳоро дар ҳамаи ҳуқуқ, дар ҳамаи лаззатҳои миллатҳои дигар баробар кард.

Яҳудии меҳнаткаше нест, ки қадри ин неъматӣ бузургро надонад ва аз Револютсияи сотсиалистии Октябри кабир, аз сиёсати миллии ленинӣ-сталинии партия, аз ҳукумати советӣ ва аз Сталини бузург, ки симболи ин ҳама ҳуқуқ ва саодат аст, монанди миллатҳои дигар манфиатдор набошад.

Вазифаи меҳнаткашони яҳудӣ боз ҳам ба партия ва ҳукумати советӣ наздиктар шудан, боз ҳам ба Сталини бузург содиқтар шудан, боз ҳам аз ҳамаи ҳуқуқ зиёдтар фоида бурдан, боз ҳам дар сохтмони сотсиалистӣ ҳаракати стаҳоновиро зиёдтар кардан, боз ҳам дар мудофияи ватани азизи сотсиалистии мо тайёр истодан, боз дар фош кардани душманҳои синфӣ, хоинҳои ватан ва агентҳои фашизм хушёрона кор кардан аст. Боварӣ дорем, ки миллати мазлуми пештараи яҳудӣ дар қатори миллатҳои дигари советӣ ин вазифаҳоро бо шараф пурра ба ҷо хоҳад овард.

шаҳри Самарқанд

соли 1938

Таҳиягари матн аз хати лотинӣ

Мадина Сайфиддинова

БА СУИ ШИНОХТИ НАВИ САДРИДДИН АЙНӢ

Осори нав ба нави Садриддин Айнӣ, ки дар тӯли солҳои истиқлоли давлатӣ аз ҷониби пажӯҳишгарон кашф шуда истодааст, баръало нишон медиҳад, ки мо ҳанӯз устои бузурги худро ба таври комил нашинохтаем. Ва мо имрӯз дар садаи шинохти нави осори устод Айнӣ қарор дорем.

Ақидае, ки гӯё ҳама пахлуҳои ҳаёту эҷодиёти (бавежа эҷодиёт!) гуногунҷанбаи устод Айнӣ куллан ва пурра омӯхта шудаасту дигар ҳоҷат ба таҳқиқ нест, аз ду ҷиҳат андешаи носоҳеҳ аст.

Аввалан, он осори Айнӣ, ки ҳамеша дастраси хонандагон будааст, ниёзи ҷиддӣ ба бозбинӣ ва таҳлилотӣ нави илмӣ дорад. Мутолиаи дақиқи дубора ва таҳлили ҷадиди осори устод Айнӣ, айнишиносони имрӯзаро ба ҳулосаҳои тозаи илмӣ оварда истодааст ва хоҳад овард. Он нуктаҳоеро, ки айнишиносони даврони шӯравӣ сарфи назар мекарданд ва ё он қадар муҳим намедонистанд, имрӯз дар даврони истиқлол, ки арзишҳои худшиносиву ҳудогоҳӣ асоси ғоявии давлатдорӣ миллӣ мебошад, беш аз пеш аҳамият пайдо мекунад. Мо инро махсусан метавонем дар таҳқиқи осори адабиётшиносӣ ва публитсистии устод Айнӣ бибинем. Ин осор, ки молот аз тарғиби худшиносии миллии тоҷикӣ, имрӯз дар шароити давлати дунявӣ миллӣ барои ташаққул ва таҳкими шуури истиқлолхоҳӣ хидмати бузург карда истодааст.

Сониан, осори то кунун ҷопнашуда ва ё ихтисоран ба таъ расидаи устод, ки ду даҳсолаи охир кашф ва интишор ёфта истодаанд (ба таври мисол, китоби «Таърихи инқилоби

фигурӣ дар Бухоро», мақолаҳои «Дар Самарқанд нашри маориф», «Масъалаи тоҷикон», «Масъалаи таърихӣ», «Ислом ва коммунизм», «Ба муносибати моҳи шарифи Рамазон» ва ...) низ бояд бо таҳқиқи ҷиддӣ ва ҳамаҷонибаи ҷамъӣ фаро гирифта шаванд.

Мақолаи Садриддин Айнӣ таҳти унвони «Конститутсияи сталинӣ ва яҳудиёни меҳнаткаш», ки бо сазо эҳтимоми муҳаққиқ ва нависандаи бориқбин Мансур Суруш таҳия гардидааст, аз ҷумлаи ҷунин таълифоти устод Айнӣ ба ҳисоб меравад. Мақолаи мазкур соли 1938 бо алифбои латиниасоси тоҷикӣ ба шакли китобчаи хурд (брошюра) ба таъъ расида дигарбора ба алифбои кириллиасоси тоҷикӣ баргардон ва нашр нашудааст.

Ба назари мо охири солҳои 30-юми қарни XX ба мавзӯи яҳудиён рӯ овардани С. Айнӣ тасодуфӣ нест, чунки дар ин солҳо ҳастии яҳудиён ҳал мешуд. Соли 1933 дар Олмон ба сари қудрат нацистон омаданд ва тибқи ғояи национал-социалистӣ сиёсати зиддияҳудиеро роҳандозӣ намуданд. Нахуст қонунҳои наҷодпарастонаи зиддияҳудӣ қабул карда, сол аз сол ҳуқуқҳои онҳоро маҳдуд месохтанд, мору мулкашонро зӯран мусодира менамуданд, бо констлагерҳои марг мефиристонданд ва мақсади аслиашон куллан нобуд сохтани ин мардум дар рӯи замин буд. Дар ҷунин вазъ шахсиятҳои бузурги ҷаҳонӣ мисли Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер, Иля Эренбург, Ғафур Ғулум ва дигарон ба ҳимояи яҳудиён садо баланд намуда, аъмоли ғайриинсонии фашистонро саҳт маҳкум менамуданд.

Устод Садриддин Айнӣ аз ҷумлаи ҷунин шахсиятҳои қабири сатҳи ҷаҳонӣ ба ҳисоб мерафт ва табиист, ки садои худро ба ҳимояи мазлумони яҳудӣ баланд намуда, мақолаи мазкурро навишт. Агар сабаби якуми навишта шудани мақола қабули конститутсияи нави шӯравӣ бошад, сабаби

дуюми он бори дигар ба аҳли васеи чома гӯшзад намудани зарурати дифоъи халки яҳудӣ аз дасти фашистон буд. Вай аҳамияти қабули конститутсияи нави шӯравиро бо вазъи яҳудиён дар Олмони фашистӣ муқоиса намуда, навиштааст: «Хусусан дар замоне, ки фашизм миллати яҳудиро дар хоки худ поймол карда, онҳоро кушта, хонаву чояшонро тороҷ карда истодааст, Конститутсияи Сталинии советӣ онҳоро дар ҳамаи ҳуқуқ, дар ҳамаи лаззатҳои миллатҳои дигар баробар кард».

Устод Айнӣ вобаста ба манфиатҳои миллии тоҷикон ва тарғибу ташвиқи хувияти миллии тоҷикӣ, ҳамеша ба таҳқиқу тасвири чи илмӣ, чи бадеӣ ва чи публитсистии қавму миллатҳои дигар низ таваҷҷӯҳи амиқ зоҳир намудааст. Ин ҷанбаи муҳими осори вай нишон медиҳад, ки Айнӣ худшиносии тоҷикиро дар асоси принципҳои гуманистӣ тарғиб мекард ва сарнавишти миллати худро аз миллатҳои дигар ҷудо намедонист.

Дар публитсистикаи С. Айнӣ мо вобаста ба инъикоси масъалаҳои мухталифи сиёсӣ, иқтисодӣ, фарҳангӣ ва иҷтимоии Осӣи Марказӣ ва ҷаҳон зикри кишвар ва миллатҳои гуногуни чи минтақа ва чи қитъаҳои дигари оламро ба мушоҳида мегирем. Баъзе аз мақолаҳои ӯ пурра ба вазъи миллат ва мамолики дигар бахшида шудаанд, аз ҷумла мақолаҳои «Масъалаи Шарқ», «Ҳукумати шӯроӣ ба мо чӣ дод?», «Ҳукумати шӯроии Русия ва давлати Эрон», «Олами Шарқ ва муттафиқин», «Инкилобҳои гузашта дар Шарқ ва аҳволи ҳозира», «Ҳукумати шӯроии Туркистон ва масъалаҳои Шарқ» ва ғайра. Аз ҷумла, дар мақолаи «Иттифоқи милал» (миллатҳои кӯчак ва Русияи Шӯравӣ) устод Айнӣ истиқболи миллатҳои камшуморро аз сиёсати миллии ҳукумати шӯравӣ ба таври махсус таъкид кардааст: «Ҳукумати шӯроӣ ҳақиқатан тарафдори мазлумин ва

миллатҳои маҳкума буд. Ҳар кучо мазлуме ва миллати маҳкуме буд, дар зери байрақи сурх чамъ шуд ва инқилоби умумии дунёро ҳозир кард».¹

Дар қатори қавму миллатҳои дигари Осиёи Марказӣ, яъне ўзбакҳо, қирғизҳо, қазоқҳо, туркманҳо, русҳо, қарақалпоқҳо, эронӣҳо С. Айнӣ ба яҳудиёни бухорӣ, ки яке аз миллатҳои қадимаи ин сарзамин буданд, низ тавачҷӯҳ зоҳир намудааст. Мо тавачҷӯҳи устодро ба сарнавишти яҳудиёни бухорӣ дар повести «Чаллодони Бухоро» (ҳангоми тасвири тақдири фочианоки «Аброҳом Юниси яҳудӣ ва писари он Яъқуб», ки дар қатли оми ҷадидон кушта шудааст)² ва «Таърихи инқилоби фикрӣ дар Бухоро» (ҳангоми фитнаи аҳли таассуб зидди ҷадидон дар соли 1918, ки яҳудиён дар қатори эронӣён ба «азли амир» гунаҳгор карда шуданд)³ ба мушоҳида мегирем. Маҳз аз осори таърихии С. Айнӣ ба мо маълум аст, ки дар нашри аввалин рӯзномаи тоҷикӣ дар қатори дигарон «мудири матбааи Когон Леви яҳудӣ» низ саҳм гирифта буд. Устод Айнӣ менависад: «Ҷиҳати маънавии газета ба ўҳдаи Мирзо Ҷалол, моддиёташ ба Левӣ оид буд...»⁴ ва «Левӣ ва Ҳайдархоҷа аз Насрулло-қушбегӣ ба мазмуни «ҳар кас ба газета муштарӣ шавад, аз тарафи мо ҳеч мумониат нест» як мактуби кушода гирифтанд».⁵

Сипас, дар охири солҳои 30-юми қарни XX С. Айнӣ бо сабабҳои, ки дар боло зикраш рафт, лозим донист мақолаи алоҳидае роҷеъ ба яҳудиёни бухорӣ таълиф намуда, хонандагони ҷавони он солҳоро бо вазъи ҳаёти

¹ Айнӣ С. Акнун навбати қалам аст. Ҷ. I. – Душанбе, 1977. – С. 143.

² Айнӣ С. Акнун навбати қалам аст. Ҷ. I. – Душанбе, 1978. – С. 15.

³ Айнӣ С. Таърихи инқилоби фикрӣ дар Бухоро. – Душанбе, 2005. С. 202.

⁴ Айнӣ С. Таърихи инқилоби Бухоро. – Душанбе, 1987. – С.106.

⁵ Ҳамон китоб. – С. 107.

ичтимоии аҷдодашон дар шароити Аморати Бухоро шинос бикунанд. Маҳорати нигорандагии устод Айнӣ на танҳо дар асарҳои бадеии ӯ, балки дар асарҳои публицистиаш низ ба таври возеҳ ифода ёфтааст. Ҳар як мақолаи ӯ асари томи хурдҳаҷмест, ки ҳадафу вазифаи мушаххас дошта, ин ё он масъалаи муҳими рӯзро комилан ҳал намудааст. Ба ибораи дигар, устод Айнӣ дорои маҳорати баланди публицистӣ буд, ки дар мақолаҳои сершуморааш ифода ёфтааст, аз ҷумла дар мақолаи «Конститутсияи сталинӣ ва яҳудиёни меҳнаткаш». Хонанда аз як мақолаи кучак оид ба вазъи иҷтимоӣ ва тарзи ҳаёти маишии яҳудиён дар Аморати Бухоро маълумоти комил пайдо мекунад. Барои ба чунин ҳадаф расидан, устод Айнӣ аз услуби дӯстдоштаи худ истифода намудааст, яъне рӯчӯ ба таърихи масъалаи мавриди тасвиру таҳқиқ ва муқоиса бо вазъи кунунии он. Айнӣ на танҳо шоҳиди зиндаи воқеаҳои даврони тоинкилобӣ (зеро чунин шахсон зиёд буданд), балки мушоҳидагари борикбину дақиқбине буд, ҳофизаи қавӣ дошт, ҷузъиёти ҳаёти Бухорои амириро бо маҳорати том тасвир менамуд ва бо неруи хиради таҳлилии худ ду замону ду ҷомеаро ба ҳам қиёс мекард. Ҳарчанд тибқи талаботи замон дар мақолаҳои ӯ танқиди гузашта ва таърифи замонаи «хушбахти советӣ», яъне назари синфӣ мавҷуд аст (аз ҷумла дар мақолаи «Конститутсияи сталинӣ ва яҳудиёни меҳнаткаш»), аммо ҷанбаи маърифатии онҳо арзишмандтар аз ҷанбаи идеологӣ аст. Ба ин сабаб, чи мақолаҳои публицистии устод Айнӣ ва чи қулли осори ӯ моҳият ва арзиши худро ҳеҷ гоҳ, дар ҳеҷ даври замон аз даст нахоҳанд дод ва ҳамеша дар хидмати миллати тоҷик хоҳанд буд. Ин нуқтаи муҳимро он нафароне, ки вақтҳои охир бо истифодаи саҳифаҳои матбуот ва ба хотири ҷалби тавачҷӯҳи аҳли ҷомеа ба шахсияти худ ба танқиду таҳқири

устод Айни камар бастаанд, ҳамеша бояд дар ёд дошта бошанд.

Барои ба хонанда равшантар шудани моҳияти масъала рӯчӯ ба таърихро устод Айни дар бисёр аз мақолаҳои публитсисти хеш истифода кардааст, ба монанди: «Қозихи пеш аз Октябр», «Интихоботи» замони амирӣ», «Интихобот ва ҷавонон», «Чингизи асри ХХ», «Конститутсия ба халқи мо чӣ дод?», «Ду ХХХ сол» ва ғайра. Аз ҳамаи ин мақолаҳои зикршуда хонанда имкон пайдо мекунад, ки сайре ба замони гузашта дошта бошад, аз аҳволи пешиниён бохабар шавад ва аз ҳама муҳимаш ду замону ду ҷомеаро ба ҳам киёс намуда, худ хулосаи зарурӣ барорад. Яъне муаллиф хонандаро ба андеша кардан сари масъалаи мавриди назар водор месозад.

Ин услуб дар мақолаи «Конститутсияи сталинӣ ва яҳудиёни меҳнаткаш» низ бо маҳорати том истифода шудааст. Дар як мақолаи на он қадар калон мо рӯчӯ ба пахлуҳои гуногуни ҳаёти яҳудиёни Бухорои амирӣ маълумоти пурра гирифта, дарк менамоем, ки ин халқ дар тӯли таърих чи гуна зулму ситамҳоро паси сар кардааст. Ва танҳо сиёсати миллии шӯравӣ ин миллатро аз асорати чандинасра озод намудааст. Мақолаи мазкур пеш аз ҳама ба насли ҷавони яҳудиёни солҳои 30 – 40-уми садаи ХХ равона шудааст, то ин ки онҳо ба қадри озодие, ки давлати шӯравӣ ба онҳо дода буд, бирасанд: «Вазифаи меҳнаткашони яҳудӣ боз ҳам ба партия ва ҳукумати советӣ наздиктар шудан... боз ҳам дар мудофияи Ватани азизи сотсиалистии мо тайёр истодан аст... Боварӣ дорем, ки миллати мазлуми пештараи яҳудӣ дар қатори миллатҳои дигари советӣ ин вазифаҳоро бошараф ва пурра ба ҷо хоҳад овард».

Рӯ овардани Айни ба мавзӯи яҳудиёни бухорӣ, ғайр аз

сабабҳои ғоявию сиёсӣ, боз албатта сабабҳои амиқи дигар дошт. Яке аз сабабҳои асосӣ, бешак робитаи чандинасраи ду миллати бостонӣ ва саҳми яҳудиён дар рушди фарҳанги тоҷикон будааст. Яъне устод Айнӣ, ки беҳтарин донандаи таърихи пуршӯри миллати хеш ба ҳисоб мерафт, аз саҳми яҳудиён дар тамаддуни қадимаи тоҷикон, бавежа саҳми онон дар солҳои 20-уми қарни XX, ки барои миллати тоҷик тақдирсозу тақдирсӯз буданд, боҳабар буд ва ба онҳо эҳтиром дошт. Устод Айнӣ, ки дар сарғаҳи муборизаҳои ҳаққу ҳуқуқи халқи тоҷик қарор дошт, ба хубӣ медонист, ки яҳудиёни бухороӣ барои ҳифзи хувияти тоҷикӣ дар Бухоро саҳми арзандаи худро гузошта буданд. Академик М. Шакурӣ дар ин бора менависад: «Он Ҳангом (соли 1926 – М.И.) дар Бухоро асосан яҳудиёни маҳаллӣ, ки тоҷикзабон буданд, худро тоҷик нависонданд. Агар бародарони яҳудӣ миллати худро тоҷик наменавиштанд, шояд, он гоҳ номи тоҷик аз феҳрасти миллатҳои Бухоро берун мемонд. Аз ин ҷиҳат мо бародарони яҳудиёро сипосгузор бошем».¹

Аз ин лиҳоз, аз тарафи адиб ва публицисти нуктасанҷ Мансур Суруш таҳия ва ба чоп омода сохтани мақолаи «Конститутсияи сталинӣ ва яҳудиёни меҳнаткаш» саҳми назаррас дар шинохти нави Садриддин Айнӣ мебошад. Мансур Суруш чун тарҷумони бомаҳорат онро ба забони русӣ низ тарҷума кардааст, то ин ки доираи васеи хонандагон тавонанд аз он истифода баранд.

Аҳамияти қалони таҳияи мақолаи мазкур дар он аст, ки баъди солҳои 30-юми қарни XX, он дигарбора бо ҳуруфоти кирилласоси тоҷикӣ чоп нашудааст, яъне даҳсолаҳои зиёд чи аз назари аҳли таҳқиқ ва чи дӯстдорони осори безаволи Айнӣ дур монда буд.

Дар солҳои истиқлоли давлатӣ, ки соли чорӣ 20 солагии онро тантанавор ҷашн мегирем, маълум гардид,

¹ Шакурӣ М. Равшангари бузург. – Душанбе, 2006. – С. 95.

ки осори устод Айнӣ то ҳол пурра чамъоварӣ ва интишор наёфтааст. Куллиёти понздаҳчилдаи ӯ фарогири тамоми осораш нест. Ғайр аз ин, бисёр аз мақолаҳои публитсистии устод, ки ба куллиёт ва маҷмӯаҳои дигар ворид шудаанд, бо ихтисорҳои ҷиддӣ ба нашр расидаанд.

Кунун дар замони истиқлоли давлатӣ, ки бо ташаббуси Президенти кишвар, мӯхтарам Эмомалӣ Раҳмон устод Айнӣ аввалин Қаҳрамони Тоҷикистон эълон шуда буд, мо аз ҳама имконот бархурдорем, то ин ки комилтарин куллиёти осори ӯро рӯи қор биёварем. Дарёфт, таҳия ва чоп намудани осори гуногуни устод, ки то имрӯз ё тамоман чоп нашудаанд, ё аз солҳои 20-уми қарни XX дигар рӯи чопро надида, аз назарҳо пинҳон мондаанд ва ё бо иллатҳои ғоявию сиёсии замон ихтисоран интишор ёфтаанд, заминаи муътамад ва муҳиме хоҳанд гардид барои дар оянда омода ва нашр кардани куллиёти комили Садриддин Айнӣ.

SADRIDDIN ƏAJNI

**KONSTITUTSIJAJI STALINI
VA JAHUDIHOJI
MIHNATKAŞ**

NAŞRIJOTI GOSUDARSTVOGLI OZSSR
TOŞKENT SOLI 1938

Сурати муковаи рисолаи устод Айни
Фотокопия обложки брошюры С. Айни

Ондаи яҳудиёни бухорӣ. Самарқанд. Соли 1901. Сурати С. М. Дудин. Аз китоби «Ҳикояҳо дар бораи суратгирон ва суратҳо» -и В. А. Никитин. Лениздат, соли 1991.

Бухарско-еврейская семья. Самарқанд. 1901 г. Фото С. М. Дудина. Из книги В. А. Никитина «Рассказы о фотографах и фотографиях», Лениздат, 1991.

Шимъуни Хоҳом (1843-1910) – яке аз маорифпарварони маъруфи яҳудёни бухорӣ, шоир, нависанда ва тарҷумон.

Шимъун Хахам (1843-1910) – видный бухарско-еврейский просветитель, ученый-богослов, поэт и переводчик.

4. Шуламит Тиллоева (1907-2001) – поэтесса, внучка Шимъуна Хахама

Шуламит Тиллоева (1907-2001) – шоира, набераи Шимъуни Хоҳом.

5. Муҳиб (Мордехай Бачаев) (1910-2003) – шоир, нависанда ва тарҷумон.

Муҳиб (Мордехай Бачаев) (1910-2003), поэт, писатель и переводчик.

Бенсион Қаландаров (1908 -1998) – рӯзноманигор ва нависанда, муҳаррири рисолаи С. Айнӣ «Конститутсияи сталинӣ ва яхудиҳои меҳнаткаш» (1938).

Бенсион Қаландаров (1908 -1998)- журналист и писатеъ, редактор брошюры С. Аини «Сталинская Конституция и еврейские трудящиеся»

Борис Кимёгаров (1920-1979) – режиссёри маъруфи тоҷик, муаллифи филми мустанадӣ «Садриддин Айнӣ» (1978)

Борис Кимёгаров-выдающийся таджикский режиссер, автор документального кинофильма «Садриддин Аини» (1978)

Барно Исоқова – Хунарманди халкии Тоҷикистон.
Барно Исоқова- Народная артистка Таджикистан.

Шоиства Муллоҷонова – Хунарманди халкии Тоҷикистон
Шоиства Муллоҷонова - Народная артистка Таджикистан

Биной нави каниса дар Душанбе
Новое здание синагоги в Душанбе

Из письма председателя Всемирного культурного центра бухарских евреев (Израиль), историка, члена Союза писателей Израиля Мордехая Кимягарова Президенту Республики Таджикистан Эмомали Рахмону: *«Мы не знаем подобного факта за всю историю существования евреев мира, чтобы руководитель какой-либо страны подарил такое здание для синагоги своим согражданам-евреям».*

12 сентября 2011 года.

АЙНИ И БУХАРСКИЕ ЕВРЕИ

Составитель: Мансур Суруш
Редакторы: Курбонали Рахмонов
и Вячеслав Семеров

Под общей редакцией кандидата филологических наук
Умридина Юсуфова

В сборник включён малоизвестный труд основоположника современной таджикской литературы Садриддина Айни под названием «Сталинская конституция и еврейские трудящиеся», который не переиздавался с 1938 года и не вошел в Полное собрание сочинений писателя. Здесь С.Айни ещё раз предстаёт как подлинный реалист и великий гуманист.

Сборник предназначен для широкого круга читателей.

АЙНИ О ЕВРЕЯХ

Садриддин Айни (1878-1954) был не только великим таджикским писателем и учёным, но и непревзойдённым мастером публицистического жанра, подлинным летописцем своей многоликой эпохи. Его огромное публицистическое наследие свидетельствует о том, насколько устод¹ живо и обстоятельно откликнулся на актуальные проблемы, волнующие общество. Многочисленные статьи, очерки и памфлеты, вышедшие на протяжении всей творческой жизни писателя - более полувека! - рассеяны по различным изданиям таджикской, узбекской, татарской и азербайджанской печати, и не изучены в достаточной мере по настоящее время.

Полной неожиданностью, к примеру, может служить тот факт, что С.Айни является автором почти забытой сегодня брошюры, озаглавленной в духе своего времени «Конститутсияи сталинӣ ва яҳудиҳои меҳнаткаш» - «Сталинская Конституция и еврейские трудящиеся»². Она была издана в 1938 году в Ташкенте небольшим форматом на латинской графике, сравнительно ограниченным тиражом и сегодня представляет собой библиографическую редкость.

Почему-то вышеназванный труд не вошёл ни в Полное собрание сочинений С.Айни, ни в другие последующие сборники писателя, включая и его двухтомник публицистических произведений. Вероятно,

¹ Устод - мастер, учитель.

² Оригинал брошюры хранится в личном архива сына писателя Камола Айни

это было связано с конъюнктурными соображениями издателей, вытекающими из негласного, примерно с 1940 года, запрета на духовную и культурную жизнь евреев, в том числе и бухарских. Именно в этот период был упразднён Государственный еврейский театр в Самарканде, перестала издаваться газета «Байрақи меҳнат» - «Знамя труда», печатавшаяся на бухарско-еврейском диалекте таджикского языка.

К слову, на таком диалекте издана и брошюра «Сталинская Конституция и еврейские трудящиеся». Безусловно, это – результат редакторской правки, предназначенной, видимо, для того, чтобы язык статьи был понятен широкому кругу бухарских евреев, большей частью малограмотной в то время массы.

Знакомясь с данной работой С.Айни, в которой правдиво описана история жизни бухарских евреев до Великой Октябрьской социалистической революции и которая проникнута глубокой симпатией к еврейской бедноте, можно ещё раз убедиться, каким многоплановым писателем был устод, какой это великий гуманист.

Известно, что история рассеяния еврейского народа уходит вглубь дальних времён. Примерно 2500 лет назад с завоеванием ассирийским царём Саргоном II и вавилонским правителем Навуходоносором II исконных еврейских земель, начался длительный процесс исхода этого народа с родных мест и зарождения многочисленных очагов диаспоры в различных регионах земного шара. Таким образом, и на территорию Средней Азии через Иран и другие сопредельные государства стали проникать евреи – беженцы, гонимые нуждой и в поисках лучшей доли.

Евреи, поселившиеся в Мерве, Ургенче, Хиве, Самарканде, Бухаре, Шахрисабзе, Коканде и других

городах Средней Азии, постепенно сформировались как специфический этнос, вобравший в себя самые различные элементы коренных народов.

Название «бухарские евреи» они получили в конце XIV— начале XV века в период правления Тимура. Именно тогда в числе сотен тысяч других рабов, приведённых для восстановления в покоренный и разрушенный им Самарканд, еврейские семьи из Бухары впервые были наречены «бухарскими евреями».

С.Айни, чья жизнь в большой степени протекала в Бухаре и Самарканде, где была сосредоточена значительная часть бухарских или, как их ещё называли, туземных евреев, не мог обойти вниманием различные аспекты жизни этой этнической группы. Ещё в Бухаре, будучи учащимся медресе, он наблюдал за их бытом, обычаями, профессиональной деятельностью, традиционно представленной красильным делом, ткачеством и торговлей. Поэтому писатель с реалистической точностью и достоверностью сумел показать незавидное общественное положение бухарских евреев в Бухарском эмирате.

Не секрет, что до революции невероятные трудности испытывало все обездоленное население страны, но то, что приходилось выносить евреям, особенно бедноте, по выражению автора брошюры, было «... выше человеческих сил».

Полностью осуждая любые формы дискриминации национальных меньшинств, С.Айни пишет о том, что бухарские евреи подвергались не только одностороннему, но и двух, и даже пятикратному гнёту. Жизнь евреев, от рождения до смерти, регламентировалась десятками ограничений, не только несправедливых, но порой и очень унижительных.

Евреи обязаны были селиться исключительно на территории, специально отведённой для них; не имели право в черте города ездить верхом; при выходе на улицу непременно должны были опоясываться бечевкой, отличительным знаком своего бесправного положения; начиная с 13-летнего возраста дважды в году платили налог «чизия», установленный специально для немусульман, при взимании которого налогосборщик был ещё правомочен «наградить» еврея двумя пощёчинами и т.д.

Но даже в этих условиях евреи, с их поразительной способностью приспосабливаться к чужой среде, никогда не теряли надежду и, опираясь на свою веру и традиции, противопоставляли ксенофобии и фанатизму сам факт своего выживания, что само по себе является феноменом в истории человечества.

Следует отметить, что в литературе народов Средней Азии устод Айни -не первый, кто на примере еврейского населения, указывая на вопиющую нетерпимость, бесправие и нарушения элементарных прав представителей национальных меньшинств как «чужеродных» элементов в условиях феодального общества, поднимает свой голос в их защиту. Поэтесса Дилшоди Барно, жившая во второй половине XIX и начале XX века, написала трогательное и необычное для того периода стихотворение, которое полностью приведено в монографии академика Ахрора Мухторова о Дилшод и её месте в истории общественной мысли таджикского народа. Из этого стихотворения мы узнаём, что поэтесса, отбрасывая все расовые предрассудки, уравнивает евреев в их правах с другими народами, среди которых они живут. Более того, она адресует слова упрёка евреененавистникам, которые позволяют себе оскорбительные выпады против бесправных людей.

Однако, несмотря на все достоинства этого эпитеторения, мы не видим в нём, как, например, в статье С.Айни «Сталинская Конституция и еврейские трудящиеся», концептуальных подходов, базирующихся на историческом понимании межнациональных отношений. В широком смысле, это -- взаимодействие народов в различных сферах, таких как политика, экономика, культура и т.д. В узком же смысле, это -- межличностные взаимоотношения людей разных национальностей в трудовой, семейно-бытовой сфере и других видах неформального общения. Автор брошюры стремился осветить как политические и экономические, так и социальные и психологические аспекты тогдашнего положения еврейской диаспоры в Средней Азии.

Анализируя через призму бухарских евреев ситуацию в сфере межнациональных отношений, С.Айни в своей статье раскрывает политику двойного стандарта, проводимую чиновниками эмирата и, как правило, зиждившуюся на их интересах. Например, ограничения, о которых мы упоминали выше и за нарушение которых бедный еврей получал суровое наказание, вплоть до смертной казни, почти никогда не касались евреев богачей.

Мы словно воочию представляем себе картину, когда комфортабельный фаэтон еврея-миллионера на всём скаку сбивает в переулке ослика мелкого торговца Хаима, везущего на базар с десятков несущек, а люди миршаба - стража порядка закрывают на это глаза, словно ничего не произошло. Богатые вельможи, относившиеся к основной массе бухарских евреев как к касте прокажённых, в то же время могли поддерживать тесные дружеские и деловые отношения с крупными купцами и фабрикантами из числа тех же бухарских евреев, которые в трудные времена

были способны кредитовать даже эмира. Например, казий Исохон в Самарканде, объявивший нечестивым для мусульман мясо животных, забитых мясниками -- евреями и тем самым нанеший весьма чувствительный удар по карману еврейской бедноты, вынужденной в три раза дороже покупать кошерное мясо и тем самым возмещать ущерб за трешное, раньше сбываемого мусульманам, с большим почётом принимал у себя миллионера Фузайлова, одного из самых богатых людей, вышедших из еврейской среды.

Данный эпизод свидетельствует также о том, что антисемитские настроения имели место и в русском Туркестане -- Самарканде, Ташкенте, Фаргане. Более того, Айни так и пишет, что политика юдофобии, которая в изощрённой форме проводилась русскими чиновниками, не свершись Октябрьская революция, в конце концов, могла бы привести к жестоким еврейским погромам в Туркестане.

Революция раскрепостила угнетённые народы, в том числе и евреев, в конституционной форме узаконив их права и свободы. Бухарские евреи впервые за многовековую историю получили возможность свободно пользоваться своим родным языком, сохранять свою самобытность и развивать национальную культуру, получать образование и т.д. Но, как уже говорилось выше, спустя годы эта политика в отношении евреев, в том числе и бухарских, по неофициальному указанию получила обратный ход.

Между прочим, упоминание о евреях мы встречаем и в других произведениях С. Айни, вышедших задолго до статьи «Сталинская Конституция и еврейские трудящиеся». Так, например, описывая сцену казни джадидов в исторической повести «Палачи Бухары», он среди жертв эмирского

насилия, поплатившихся жизнью за попытки начать прогрессивные реформы в удушливой обстановке страны, упоминает и Авраама Юнусова, бухарского еврея.

С большой теплотой отзывался С.Айни о знаменитом исполнителе классических песен Шашмакома, бухарском еврее Леви Бобохонове.

Полагаясь на свидетельство бывшего председателя еврейского культурного центра «Ховерим» в Душанбе, старейшего журналиста, ныне покойного Миерхаима Гавриэлова, с детства знавшего С.Айни, можно утверждать, что устод был знаком и с трудами поэта и учёного-алмудиста Шимуна Хахама (1843-1910), внесшего большой вклад в религиозное просвещение еврейского населения в Бухарском эмирате и развитие литературы на бухарско-еврейском диалекте таджикского языка.

Возвращаясь к статье С.Айни «Сталинская Конституция и еврейские трудящиеся», хочется также отметить, что с ней во многом перекликается и знаменитая поэма Народного поэта Узбекистана Гафура Гуляма «Я -- еврей», написанная им в разгар Холокоста -- озлобленной попытки окончательного уничтожения еврейства гитлеровскими нацистами.

Между тем, как это ни странно, статья С.Айни в дальнейшем выпала из поля зрения учёных-айниеведов и не нашла отражения ни в одном из исследовательских работ, посвящённых его творчеству. Нет ссылок на данную статью и в произведениях представителей старшего поколения бухарско-еврейской литературы, как Мухиб (Мордехай Бачаев), Арон Шаламуев, Гавриэл Самандаров и другие.

Остаётся добавить, что еврейский вопрос всегда существовал и в России, и в других европейских странах. Поэтому, еврейская тематика со всей остротой привлекала

внимание многих демократически настроенных деятелей. О евреях, к примеру, писали М.Горький, В.Короленко, В.Брюсов, особенно в период, когда реакционной прессой во всю раскручивалось «Дело Бейлиса», потрясшее всю передовую Россию.

Думается, что и статья С.Айни «Сталинская Конституция и еврейские трудящиеся» получит достойную оценку айниеведов и займёт подобающее место в публицическом наследии устода.

Сегодня, когда Таджикистан обрёл независимость и сохраняет верность политике обеспечения прав национальных меньшинств и гармонизации межнациональных отношений, изучение опыта прежних лет имеет особую значимость.

Садриддин Айни

СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ И ЕВРЕЙСКИЕ ТРУДЯЩИЕСЯ

Ташкент-1938

Одним из национальных меньшинств в Средней Азии, в течение веков подвергавшимся насилию, были бухарские, или другими словами, местные евреи. Это притеснённое национальное меньшинство ранее испытывало на себе не только односторонний, но и четырехкратный, пятикратный гнёт.

Прежде всего, мы хотим описать жизнь местных евреев в Бухаре периода эмирата. Известно, что в бухарском эмирате бесправными, угнетенными и измученными были беднота и трудовой люд всех национальностей. Но бесправие, гнёт, унижения и оскорбления, с которыми приходилось сталкиваться евреям, были выше человеческих сил.

Например, бухарские евреи не имели права в Бухаре строить для себя жильё и селиться, кроме как в махалле-квартале, специально отведённом для них; в обязательном порядке ворота их домов на пол аршина должны были быть ниже ворот мусульман, а пороги - ниже проезжей части улицы. Евреи, имевшие дойную корову, осла или лошадь, непременно должны были по обе стороны ворот прокладывать дорожки глубиной на пол-аршина, чтобы по ним входил и выходил их скот. И ещё евреи были вынуждены над своими воротами вывешивать синий флажок, чтобы с первого взгляда можно было определить, что в этом доме живёт иудей.

В городе евреи не имели права ездить верхом. Если еврей собирался в сельскую местность, то вынужден был до самых городских ворот, а на обратном пути - до своего дома идти пешком, ведя лошадь под уздцы.

При взимании налогов с торговли и других видов обязательного царского сбора с населения евреи по сравнению с мусульманами были вынуждены выплачивать

идное больше. И без того тяжелые царские налоги в Бухаре, двукратным бременем ложась на евреев, становились особенно изнурительными для еврейской бедноты.

Кроме прочих налогов существовал ещё один, специально для евреев, который назывался «чизия». Чизию эмирские налоговосборщики ежегодно взимали два раза в махалле через калонтара, еврейского старосту. Налог чизия, являясь ещё одним доказательством бесправия евреев, если с одной стороны воспринимался ими как чувствительный финансовый прессинг, то с другой стороны - как большое оскорбление беззащитного еврейского населения. Эмирский чиновник, получив налог чизия, с презрением «награждал» еврея ещё и пощёчиной. Некоторые бестактные и невоспитанные мусульмане, которые во время сборов налога чизия собирались в махалле для созерцания этого нелицеприятного зрелища, весело и громко хохотали, тем самым усиливая мучительный стыд униженного, поруганного и безропотного еврея.

Форма одежды у евреев в Бухаре также была особенной, точнее оскорбительной: каждый еврей обязан был носить синеватый халат с мелким узором с тонкой тесьмой по краям и подпоясываться бечёвкой. Шапки у них были четырёхгранной формы без козырька, с чёрной подкладкой.

Любой еврей, нарушивший правила ношения одежды, к примеру, вышедший неподпоясанным на улицу, попадись он на глаза людей миршаба- начальника полиции и ночного дозора, его тут же хватали и волокли в зиндан-темницу. Там без всякого разбирательства его раздевали и били плетью по спине от одного до пятнадцати, или же до 39 раз и вдобавок накладывали ещё и штраф.

За маломальскую вину еврея могли осудить насмерть.

От неминуемой смерти его мог спасти лишь переход в мусульманство (полумусульмане, ставшие таковыми против своей воли, как правило, в Бухаре жили по соседству с еврейским кварталом и тайно соблюдали еврейские обряды, как, например, шаббат).

Хотя по иудейским законам и традициям женщины и девушки не должны скрывать своё лицо от мужчин, правительство эмира принудило их выходить на улицу лишь в парандже и чачване. Но и ношение паранджи для еврейских женщин имело свою унижительную особенность: еврейка была обязана к краю паранджи пришить кусок чёрного лоскута, чтобы с первого взгляда каждый мог понять, что эта женщина - еврейка.

Естественно, всё то бесправие и унижения, о которых здесь упоминалось, в основном касались еврейской массы - бедноты, трудового люда, кустарей и мелких торговцев. Но богачи и калонгары имели неофициальные привилегии и льготы.

Например, мы видели, что в то время, как еврей Хаим, погоняя своего ослика, нагруженного десятоком несущек, входил через городские ворота, и затем через весь город, увязнув в уличной грязи своими порванными ичигами, из которых торчали портянки, тащился домой, еврей-миллионер, проезжая мимо на двуконном фаэтоне, мог колесом сбить Хаимова ослика, повергнув его в грязь и, даже не оглянувшись, уехать восвояси.

Стражи порядка, обычно не спускавшие глаз с таких как Хаим, и никогда не упускавшие случая, чтобы за малейший проступок штрафовать их, почему-то закрывали глаза на с грохотом мчавшийся фаэтон миллионера.

Или, мы видели, что в то время, когда красильщик Мордухай с трудом протискивал во дворик через низкие

ворота с глубоким порогом свою дойную корову, калонтар - староста Хай на всём скаку заезжал на коне в широкие ворота своего двухэтажного каменного дома.

Еврейская беднота, трудовой люд терпели немало притеснений и от своих богачей и калонтаров. Последние могли позволить себе любое насилие над бедным евреем и кустарём. Если даже богатый еврей или калонтар могли связать и избить бедного еврея, тот не имел права даже проронить слова. При этом люди из окружения богача или калонтара начинали увещевать его: «Лучше молчи, пинки и подзатыльники хозяев - всё равно, что лекарство. Никому не говори ни слова, разбитой голове место под тюбетейкой».

Если же, как говорится, нож дошёл до кости, и отчаявшийся еврей начинал возмущаться, калонтар всегда мог найти способ засадить его в эмирскую тюрьму, наказать штрафом, подвергнуть избиению плетьюми.

Соблюдение старых обычаев и традиций также давалась нелегко еврейской массе.

Взять, к примеру, вопрос, касавшийся «кошерного» и «трефного». По существу, это - религиозный вопрос, но у баев и мулл он превратился в способ разжигания ненависти и розни между нациями.

Еврейское духовенство полностью прибрало к своим рукам право забоя скота. Духовные лица ради своей выгоды от каждой забитой скотины вынуждали бедных соплеменников в два раза дороже покупать мясо. Потому что шохет, еврейский мясник продавал выделенное духовным лицом трэфное мясо мусульманам по цене ниже себестоимости, а ущерб возмещал тем, что в два раза дороже сбывал кошерное мясо евреям, у которых не оставалось другого выхода.

Старая еврейская школа была такая же, что и мусульманская, отсталая и непросвещённая. Еврейский мальчик, проведя несколько лет в её стенах, устно выучивал только молитвы и обретал некоторые знания по части религиозных обрядов. Вот почему в еврейской среде чтецы молитв и гадалычики пользовались огромным влиянием. Заболевший бедный еврей за неимением других возможностей тут же попадал в сети заклинателя. Бедный еврей подвергался грабежу не только со стороны своих заклинателей, но и со стороны мусульманских тоже.

Если, скажем, у какого-либо еврея-кустаря по простой причине нищеты и обездоленности отец, ребёнок или брат становился душевнобольным, то бедному кустарю приходилось во всём отказывать себе и семье и последнее нести ненасытному заклинателю в благодарность за его лечение. Естественно, больной не выздоравливал. Тогда его везли к мусульманскому ишану, где у него в глубине двора, обычно в подвале держали закованными помешанных. Ишан морил больного голодом, два раза избивал плёткой, тем самым якобы изгоняя из него злых духов, а в конце концов правдами и неправдами за бесценок скупал весь скарб несчастного кустаря.

Через какое-то время больной умирал в подвале ишана или по возвращении домой. Его же изнурённые, лишившиеся всего родичи уже сами мало чем отличались от помешанных (Всё это правда, о которой счастливая советская молодёжь не имеет представления. Но хотя исторические уроки горьки, их надо изучать, чтобы ценить блага сегодняшней жизни).

В то время, когда богатые евреи среди мусульман, особенно таких же богачей, считались «уважаемыми господами», то бедный еврей на каждом шагу мог услышать

грубый окрик: «Посторонись, грязный джухуд...» (джухуд - жид. Прим. переводчика).

Бухарские евреи в период эмирата достаточно страдали и от юдофобских действий. Подобно тому, как в России юдофобы обвиняли евреев в краже и убийстве детей в ритуальных целях и вслед за «кровавым» наветом устраивали еврейские погромы, такие подстрекательства и клевета в отношении евреев имели место и в Бухаре. Юдофобы распространяли слухи, что евреи, выкрав мусульманских детей, убивают и используют их кровь во время своих религиозных церемоний. И хотя необоснованность подобных слухов была очевидной, и дело не доходило до погромов, всё равно у части простодушных и наивных людей возникало сомнение, и они с большим рвением бранили евреев.

В русском Туркестане - Самарканде, Ташкенте и Фергане положение евреев было такое же, как и в Бухаре, даже в некоторых случаях евреи здесь притеснялись ещё больше.

Хотя первое время царские чиновники для укрепления своей власти в Туркестане использовали евреев и давали им некоторые поблажки, но вскоре они изменили свою политику. Евреев, проживавших в Туркестане до прихода русских солдат, но не имевших возможности официально доказать это, лишали гражданских прав и не считали своими подданными. В такой ситуации еврей находился как бы между небом и землёй и не знал что делать. Если он не считался русским подданным, то не мог найти и работу. У многих не было даже денег, чтобы уехать из Туркестана. Дело осложнялось тем, что до утверждения царской власти в Туркестане, там не существовало свидетельств о рождении и других удостоверяющих документов, и обездоленные

евреи не могли доказать, что они - туркестанцы. Такого произвола не было даже в Бухаре. Юдофобских действий в Туркестане также наблюдалось больше, чем в Бухаре. Чиновники разными путями порождали злобность у населения против евреев. (Если бы не началась гражданская война, за которой последовала Октябрьская революция, то в Туркестане неминуемо произошли бы жестокие еврейские погромы и грабежи).

Юдофобские настроения в Туркестане особенно проявились, когда с чьей-то подачи вновь стал раздуваться вопрос вокруг кошерного и трэфного мяса: юдофобы подкупили самаркандских мулл и добились того, что те объявили мясо забитой евреем скотины запретным, харомом. Это был сильный удар по экономическому положению евреев. Потому, что еврейский мясник был вынужден отныне закапывать в землю всё трэфное мясо, а ущерб возмещать за счёт кошерного. Теперь еврей на покупку мяса вместо одного рубля должен был тратить три или вообще отказаться от мяса.

Повторимся, что все эти трудности в основном касались еврейской бедноты, а евреи богачи жили в достатке и силой денег из всего извлекали выгоду. Взять хотя бы мануфактурщиков- миллионеров из числа бухарских евреев, живших в Фергане и во время революции поддержавших сторонников автономии. Родом они были из Бухары и переехали в Фергану спустя несколько лет после её захвата солдатами царской армии, где открыли торговый дом. Но никто не спрашивал их, какого рода-племени они, есть ли документы, подтверждающие, что они - туркестанцы. А казий Исохон из Самарканда, способствующий объявлению запрета на мясо забитого евреем скота, больше всего почитал еврейского миллионера

Фузайлова. Еврей-миллионеры, подобные Фузайлову, в доме у казия Исохона сидели всегда на самом почётном месте.

Что в Бухарском эмирате, что в Туркестане евреи были лишены права землепользования и земледелия. Поэтому большинство евреев за неимением капитала были вынуждены брать у крупных купцов товар в кредит и заниматься мелкой торговлей.

Пользуясь тем, что евреи лишены права на земледелие, юдофобы подбивали народ и кругом заявляли: «Евреи едят хлеб без труда, под видом торговли они обманывают народ, обдуривать мусульман и русских для них савоб-благодное дело, всех их надо гнать».

И в Туркестане, и в Бухаре евреи были лишены всякого избирательного права. Из числа евреев назначались калонтары, и то по подсказке богачей и хахамов, предводителей духовенства. Затем Эмир Бухарский или наместник своим указом узаконивали полномочия калонтара.

Конечно же, такие калонтары в деле попирания прав еврейской бедноты становились верными приспешниками эмирских чиновников, вельмож, богачей и хахамов.

Октябрьская социалистическая революция разбила в пух и прах систему, при которой угнетенные евреи не жили, а прозябали. Женщины и мужчины еврейской национальности были уравнены в правах со всеми советскими гражданами. Евреи были наделены землями, вошедшими в колхозы, для них открылись ворота заводов и фабрик. Для еврейских детей были созданы первичные, неполные средние и средние школы на их языке, предоставлены возможности для их дальнейшего образования в таджикских, узбекских и русских учебных

заведениях. Сегодня дети бухарских евреев наряду с представителями других национальностей при постоянной поддержке правительства учатся не только в городах Средней Азии, но и в Москве и Ленинграде, в крупнейших союзных вузах.

Сегодня еврейские колхозники, бок о бок трудясь с представителями других национальностей, ни в чём не уступают им, потомственным хлопкоробам, хлебопашцам и шелководам. Сегодня они в числе других стахановцев участвуют в большом социалистическом соревновании. Сегодня по числу отличников школ и училищ еврейские дети не отстают от других. Сегодня всемерно развивается еврейская, национальная по содержанию и социалистическая по форме, культура. Сегодня еврейские деятели культуры и искусства вносят достойный вклад в развитие советской культуры. Женщины и мужчины еврейской национальности на полных правах с другими работают в партийных и советских органах, общественных организациях, нередко занимают руководящие должности. Вместе с представителями других братских советских народов евреи отдыхают и поправляют своё здоровье на курортах и в санаториях.

Все эти права и свободы, полученные угнетённым еврейским народом, как и другими советскими народами благодаря Октябрьской социалистической революции, выведенные твёрдой и неутомимой рукой Сталина, нашли олицетворение в конституции, самой демократичной в мире.

Согласно сталинской конституции все женщины и мужчины старше 18-и лет еврейского происхождения участвовали в выборах в Верховный Совет СССР. Также они согласно конституции Социалистической Республики

Узбекистан, которая была написана на основе сталинской конституции, примут участие в выборах в Верховный Совет Узбекистана и его нижестоящие органы.

Сталинская конституция дала народам СССР равноправие, невиданное доселе в истории человечества. Все нации и народности равно пользуются правами, данными конституцией. Но, как гласит поговорка: «Цена воды познаётся по мере жажды, вкус хлеба - по мере голода». Еврейская нация, бывшая самой угнетённой в Средней Азии, больше чем кто - либо осознаёт цену этой конституции и узаконенные ею права и свободы. В особенности сегодня, когда фашизм во многих странах вытесняет и уничтожает еврейство, сталинская конституция, уравнивая евреев во всех правах с другими народами, наполняется новым историческим смыслом. Еврейские трудящиеся, как и другие народы знают цену этому великому благу и благодарны Октябрьской социалистической революции, Ленино - сталинской национальной политике, советскому правительству и великому Сталину, являющемуся символом наших прав, свобод и счастья.

Задача еврейских трудящихся заключается в том, чтобы ещё теснее сплотиться вокруг партии и правительства, быть всегда верным великому Сталину, активно участвовать в социалистическом строительстве, быть готовым к обороне социалистического отечества.

Несомненно, бывший угнетённый еврейский народ в тесном содружестве с другими советскими народами с достоинством справится с выполнением этих задач.

г. Самарканд, 1938 г.

С таджикского перевёл Мансур Суруш

К НОВОМУ ПОЗНАНИЮ САДРИДДИНА АЙНИ

Всё новые и новые произведения Садриддина Айни, которые исследователи обнаруживают в годы государственной независимости, явно показывают, что мы еще исчерпывающе не познали нашего великого устода. Мы сегодня находимся только на пути к новому познанию произведений устода Айни.

Мнение о том, что будто бы все стороны биографии и многоаспектного творчества (в особенности творчества!) устода Айни полностью и в совершенстве изучены и больше нет необходимости в их исследовании, является неправильным по двум причинам.

Во-первых, те произведения Айни, которые всегда были доступны читателям, требуют серьезного переосмысления и нового научного анализа. Внимательное вторичное чтение и новый анализ произведений устода Айни, приводят и будут приводить современных айниеведов к новым научным выводам. Те моменты, которые со стороны айниеведов советского периода или не принимались во внимание, или же не считались важными, сегодня в период независимости, когда ценности национального самосознания и самопознания являются идейной основой национальной государственности, приобретают все большее значение. Особенно мы это можем заметить в исследовании литературоведческих и публицистических произведений С. Айни. Эти произведения, в которых пропагандируется таджикско-национальное самосознание, сегодня в условиях национального светского государства, вносят неоценимый вклад в становлении и укреплении

осознания государственного суверенитета.

Во-вторых, до сих пор не опубликованные или же изданные в сокращенном варианте произведения Айни, которые обнаруживаются и издаются два последних десятилетия (например, книга «История идейной революции в Бухаре», статьи «Распространение просвещения в Самарканде», «Таджикский вопрос», «Исторический вопрос», «Ислам и коммунизм», «Накануне священного месяца Рамадан» и другие...), также должны быть охвачены всесторонними и серьезными научными изысканиями.

Из числа таких сочинений Садриддина Айни можно назвать его статью под названием «Сталинская конституция и еврейские трудящиеся», подготовленной стараниями проницательного исследователя и писателя Мансура Суруша. Данная статья в форме небольшой брошюры была опубликована в 1938 году на латинском таджикском алфавите и более не была переложена на таджикскую кириллицу и соответственно не издана.

На наш взгляд, в конце 30-х годов XX века С. Айни не случайно обратил свои взоры на еврейскую тематику, так как в эти годы решалось само бытие еврейской нации. В 1933 году в Германии к власти пришли нацисты и в соответствии с идеями национал-социализма начали реализацию антиеврейской политики. Вначале приняв антиеврейские расовые законы, год от года ограничивали их права, насильно конфисковывали их имущество, отправляли в концлагеря смерти, и их конечной целью было уничтожение этого народа с лица земли. В этой ситуации свой голос в защиту евреев подняли такие великие личности мирового масштаба, как Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер, Илья Эренбург, Гафур Гулям и другие, которые жестко

осуждали античеловеческие деяния фашистов.

Устод Садриддин Айни считался из числа таких величайших личностей мирового масштаба, и естественно подняв свой голос в защиту угнетенных евреев, написал данную статью. Если первой причиной написания статьи являлась новая советская конституция, то второй было еще раз напоминание широкой общественности в необходимости защиты еврейского народа от рук фашистов. Сравнивая значение принятия новой советской конституции с положением евреев в фашистской Германии, он пишет: «В особенности сегодня, когда фашизм во многих странах вытесняет и уничтожает еврейство, сталинская конституция, уравнивая евреев во всех правах с другими народами, наполняется новым историческим смыслом».

Устод Айни в связи с национальными интересами таджиков и пропаганды таджикской национальной идентичности, всегда уделял пристальное внимание на научное, художественное и публицистическое исследование и отображение других наций и народностей. Этот важный аспект его произведений показывает, что Айни пропагандировал таджикское самосознание на основе принципов гуманизма и не отделял судьбу своей нации от других наций.

В публицистике С. Айни мы в связи с освещением разнообразных политических, экономических, культурных и социальных вопросов Центральной Азии и всего мира, наблюдаем упоминание различных стран и народов, как нашего региона, так и других частей света. Некоторые его статьи полностью посвящены положению других наций и стран, в том числе, такие статьи, как «Восточный вопрос», «Что дала нам Советская власть?», «Российское советское правительство и государство Иран», «Восточный мир и

единство», «Прошлые революции на Востоке и сегодняшнее положение», «Советское правительство Туркестана и восточные вопросы» и другие.

В том числе, в статье «Союз наций (малые нации и Советская Россия)» устод Айни специально подчеркивает горячий приём национальной политики советской власти со стороны малых наций и народностей: «Советская власть поистине является сторонником угнетенных и обреченных наций. Там где были угнетенные и обреченные нации, собрались вместе под красным знаменем и совершили общемировую революцию». ¹

Наряду с другими нациями и народностями Центральной Азии, то есть узбеков, киргизов, казахов, туркмен, русских, каракалпаков, иранцев С. Айни также уделял внимание и на бухарских евреях, которые являлись одним из древних народов этого региона. Внимание С. Айни к судьбе бухарских евреях мы видим в повести «Палачи Бухары» (во время изображения трагической судьбы «еврея Абрахама Юнуса и его сына Яъкуба», которые были убиты во время массовой резни джадидов)² и в «Истории идейной революции в Бухаре» (во время провокации религиозных фанатиков против джадидов в 1918 году, когда евреи наряду с иранцами обвинялись в «свержении эмира»).³

Именно из исторических произведений С. Айни нам известно, что в издании первой таджикской газеты «Бухорои шариф» («Благородная Бухара») наряду с другими лицами внес свой вклад «заведующий типографией Кагана еврей

¹ Айни С. Акнун навбати қалам аст. Ҷ. I. – Душанбе, 1977. – С. 143.

² Айни С. Акнун навбати қалам аст. Ҷ. I. – Душанбе, 1978. – С. 15

³ Айн С. Таърихи инқилоби фикри дар Бухоро. – Душанбе, 2005. – С. 202.

Леви».¹ Устод Айни по этому поводу пишет: «Духовная часть газеты была обязанностью Мирзо Джалола, материальным обеспечением занимался Леви» и «Леви и Хайдарходжа взяли у Насрулло-кушбеги открытое письмо с таким содержанием, что тому «кто подпишется на газету, с нашей стороны препятствий, не будет».²

Впоследствии, в конце 30-х годов XX века С. Айни по тем причинам, о которых было выше отмечено, счел необходимым написав отдельную статью о бухарских евреях, ознакомить молодых читателей тех лет с обстановкой социальной жизни их предков в условиях Бухарского эмирата. Писательское мастерство устода Айни выпукло проявляется не только в его художественных произведениях, но также и в его публицистике. Каждая его статья, это целостное малое произведение, с конкретной целью и задачей, в которой он решает определенную актуальную проблему дня. Другими словами, устод Айни обладал высоким публицистическим мастерством, которое выразилось в многочисленных его статьях, в том числе статье «Сталинская конституция и еврейские трудящиеся». Читатель из одной небольшой статьи получает исчерпывающие сведения о социальном положении и бытовой жизни евреев в Бухарском эмирате.

Для достижения этой цели, Айни использует свой любимый метод, то есть возврат к истории вопроса, подвергаемой исследованию и изображению и его сравнение с нынешним положением. Айни был не только живым свидетелем дореволюционных событий (таких людей было много), но также являлся тонким и прозорливым наблюдателем, обладал твердой памятью, отображал с большим мастерством жизненные детали эмирской Бухары

¹ Айни С. Таърихи инқилоби Бухоро. – Душанбе, 1987. – С.106.

² Там же. – С. 107.

и со своим мощным аналитическим мышлением сравнивал два времени и два общества.

Хотя в соответствии с требованием времени в его статьях существует критика прошлого и восхваление «счастливой советской» эпохи, то есть классовый взгляд (в том числе в статье «Сталинская конституция и еврейские трудящиеся»), но их познавательный аспект намного ценней их идеологической стороны. Поэтому, как публицистические статьи устода Айни, так и всё его творчество, никогда, ни в какой исторический период не потеряют свою ценность и всегда будут на службе таджикского народа. Этот важнейший момент всегда должны помнить те, которые в последнее время используя страницы периодической печати и для привлечения внимания общества к своей персоне, принялись за критику и оскорбление устода Айни.

Для большего раскрытия сущности вопроса, возврат к истории Айни использует во многих своих публицистических статьях, таких как: «Дореволюционные кадии», «Выборы» эмирского времени», «Выборы и молодежь», «Чингис XX века», «Что дала нашему народу конституция?», «Две XXX лет» и т.д. Из всех этих отмеченных статей читатель имеет возможность путешествовать в прошедшие эпохи, узнать жизнь прошлых поколений и самое главное сравнить два времени и два общества. Другими словами автор заставляет читателя мыслить по рассматриваемой им проблеме.

Такой метод автором мастерски используется также в статье «Сталинская конституция и еврейские трудящиеся». В одной небольшой статье мы получаем исчерпывающие сведения о различных сторонах жизни евреев эмирской Бухары и осознаем, что этот народ в течении всей своей истории перенес неисчислимы унижения и притеснения.

И только советская национальная политика освободила эту нацию от многовекового угнетения.

Данная статья, прежде всего, была направлена на молодое поколение еврейской молодежи 30-40-х годов XX века, чтобы они знали цену свободы, которую дала им Советское государство: «Задача еврейских трудящихся заключается в том, чтобы ещё теснее сплотиться вокруг партии и правительства, быть всегда верным великому Сталину, активно участвовать в социалистическом строительстве, быть готовым к обороне социалистического отечества.

Несомненно, бывший угнетённый еврейский народ в тесном содружестве с другими советскими народами с достоинством справится с выполнением этих задач».

Обращение Айни к теме бухарских евреев, кроме идейно-политических причин, конечно же, имел другие, более глубокие причины. Одной из основных причин, несомненно, являлась многовековая связь двух древних наций и вклад евреев в развитии таджикской культуры. То есть устод Айни, как самый лучший знаток бурной истории своей нации, несомненно, был осведомлен о вкладе евреев в древнюю таджикскую цивилизацию, особенно об их вкладе в судьбоносные для таджиков 20-е годы XX века и поэтому, глубоко их уважал.

С. Айни, который стоял у истоков борьбы за национальные права таджикского народа, хорошо знал, что бухарские евреи внесли свой неопределимый вклад в защите таджикской идентичности в Бухаре. Академик М. Шакури об этом пишет: «Тогда (т.е. в 1926 г. – М.И.) в Бухаре в основном местные евреи, которые были таджикоязычными, записали себя таджиками. Если еврейские братья не записали бы себя таджиками, возможно, в тот период

этноним таджик остался бы вне списка проживающих в Бухаре наций. Поэтому мы должны быть благодарны еврейским братьям».¹

С этой точки зрения подготовка к печати статьи Садриддина Айни «Сталинская конституция и еврейские трудящиеся» проницательным писателем и публицистом Мансуром Сурушем является значительным вкладом в новое познание Садриддина Айни. Мансур Суруш как талантливый переводчик, также выполнил перевод статьи на русский язык, чтобы ее могли использовать еще более широкие круги читателей.

Большое значение подготовки данной статьи заключается также в том, что после 30-х годов XX века, она не была переложена и издана на таджикскую кириллицу, то есть в течение многих десятилетий осталась вне поля зрения как исследователей, так и любителей нетленных произведений Садриддина Айни.

В период государственной независимости, когда в этом году торжественно отмечаем ее 20 летие, нам стало известно, что произведения Айни полностью не собраны и не изданы. Его полное собрание сочинений не охватывает все его произведения. Кроме того, многие публицистические статьи устода, которые вошли в его полное собрание сочинений и другие сборники, опубликованы с существенными сокращениями.

В период государственной независимости, когда по инициативе Президента страны Эмомали Рахмона устоду Айни первым было присвоено звание Героя Таджикистана, у нас есть все возможности подготовить его самое полное собрание сочинений. Открытие подготовка и издание его произведений, которые или до сих пор совершенно не опубликованы, или с 20-х годов XX века больше не

¹ Шакури М. Равшангари бузург. – Душанбе, 2006. – С. 95.

переиздавались и остались вне поля зрения, или же по идейно-политическим мотивам времени издавались в сокращенном варианте, в будущем будут важной и надежной основой для подготовки и издания совершенного полного собрания сочинений Садриддина Айни.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ

ЕВРЕИ В ДУШАНБЕ

Душанбе (до 1929 – Дюшанбе, в 1929-61 – Сталинабад), город, столица Республики Таджикистан. В 19 - нач. 20. в.-кишлак в составе Бухарского ханства. С 1925 – столица ТаджАССР, с 1929 – ТаджССР.

В 1926 в Д. проживало 212 евреев (3,8%), в 1939 -3376, в 1959 – 8700, в 1970 – 11424 (3%), в т. ч. ок. 6000 – бухарские евреи, в 1979 – 11632 (2,3%), в 1989 -12200 евреев.

С 2-й пол. 19 в. в Д. жили евреи из Бухары, к-рые занимались торговлей и ремеслами (гл. обр. портняжным). К 1920 еврейская община насчитывала ок. 600 чел. Имелись синагога и еврейское кладбище. В 1920 повелением бухарского эмира все евреи выселены в Гиссар, а их имущество разграблено. В 1921 евреи вернулись в Д., но в 1922 покинули его вместе с частями Кр. Армии, отступавшими под натиском басмачей. В 1923 немногие евреи возвратились в Д. В кон. 1920-х –нач. 1930-х гг. в Д. возн. Новый еврейский квартал.

Ашкеназийское население Д. в 1920-30-х гг. в Д. было незначительным (гл. обр. учителя и врачи); численность ашкеназов возросла во время 20й мир. Войны за счет евреев, эвакуированных из зап. областей СССР. В период «борьбы с космополитизмом» в Д. переселились евреи – науч. Работники и деятели культуры, вынужденные покинуть города европ. части СССР. К 1947 в Д. была построена новая синагога (на месте старой), открыты еврейская

рилиг. школа и лавка для продажи кошерного мяса. В обычные дни на службу в синагоге собиралось 50-60 чел., в субботу – 150-200, в праздничные – 400 -500; раввином был Мула-Яхель Максумов (1886-?). В 1960-х гг. шохетом и мозлом был Ханания Устаниязов). В кон. 1970-х гг. в Д. имелась синегога с 4 миньянами (3-бухарских евреев и 1 ашкеназийских), был шохет. Раввином Д. в 1980 –х гг. был Элюша Абд Эль-Рахманов. В 1989 в Д. создано Тадж. Об-во друзей еврейской культуры «Ховерим» (первый пред. Ю. И. Датхаев), с 1991 выходит газ. Об-ва «Га-Шохар». В 1990-1992 действовали курсы иврита, в 1991 открыты иешива и б-ка при синагоге, с 1992 – представительство Еврейского Агенства.

В Д. родился известный писатель В. Н. Войнович.

Российская Еврейская Энциклопедия. Т. IV. Изд. Эпос. Москва. 2000 г. стр. 416-417

PS. В настоящее время синагога в Душанбе находится по улице Шохназара Сохибова (бывшая ул. Озодии занон) 78-А в большом особняке, подаренном еврейской общине местными властями.

Душанбинский базар

«После разрушительного землетрясения в 1907 году в Каратаге и перемещения летней резиденции Гиссарского бека в Душанбе, душанбинский базар разросся и стал многолюдным. Как и в Каратаге, на душанбинском базаре торговали и бухарские евреи.

Вслед за землетрясением один из базарных дней в Каратаге был перенесён на субботу. Известно, что евреи

в этот день не позволяют себе никакой работы. По этой причине они обратились к Гиссарскому беку с прошением перенести рыночную торговлю с субботы на другой день недели.

В свою очередь Гиссарский бек вынужден был обратиться в Бухару. Но оттуда пришёл отказ. Это послужило основанием для переезда евреев из Каратага в Гиссар и Душанбе.

Таким образом, можно отметить и вклад бухарских евреев в благоустройство душанбинского базара. С другой стороны, данный факт свидетельствует о том, что отменить базарный день не вправе был даже Гиссарский бек. Это означает, что базарные дни в провинциях с целью развития торговли регулировались из центра.

По наблюдениям Д.Н. Логофета, почти вся торговля в Душанбе находилась в руках евреев. Они даже изготавливали и продавали вино».

Из книги академика
Ахрора Мухтарова «Гиссар»,
Душанбе, 1995.

С таджикского перевёл
Мансур Суруш.

ЕВРЕИ В ХУДЖАНДЕ

ЕВРЕИ – одна из этнографич. групп населения города. Относительно их появления в Худжанде до недавнего времени среди историков бытовали разные мнения. Сейчас достоверно известно, что первая еврейская семья в Худжанд прибыла из Бухары в 1803. Это была семья Махсума Пинхасова. В 1818 приехал некий Симходжон и поселился в квартале Бозори хезум Раззакской части города. По словам худжандского старожилы, знатока ист. местных евреев А.Бадалова (ныне проживает в США), причиной этого переселения явилось следующее: Худжанд с развитым шелководством и ткачеством сильно нуждался в красильщиках. А этим делом в Бухаре славились евреи, они же были монополистами по ввозу красителей (гл. образом из Индии) и по продаже их местным кустарям. Поэтому правитель Худжанда попросил бухарского эмира направить в город нескольких красильщиков. Эмир выполнил просьбу и неск. евреев прибыли в Худжанд и в Раззакской и Калаинавской частях города были открыты их мастерские по окраске пряжи в синий цвет холодным способом-«кабудгари». Зимой они возвращались обратно, а весной приезжали вновь. Так продолжалось неск. лет. Наконец, правитель Худжанда потребовал, чтобы они поселились здесь постоянно. Мастера возразили, что для 3-5 чел. нельзя открыть в городе синагогу, но если такое разрешение будет получено, они согласны жить здесь постоянно. Синагогу построить разрешили и она была построена в 1832 на месте приобретенного у местного жителя Мирсидика Мирсаидбаева сарая. В Худжанде евреи жили отд. семьями среди тадж. населения. Большинство из них располагалось в кварталах Дугчи, Чакари курпа,

Кушмасджид, Бозори гуза, Ниездегча, Гузари Охунд, примыкавших к ремесленно-торг. центру города – Панджшанбе. отд. еврейского квартала в Худжанде никогда не существовало. Евреи отличались от местного тадж. населения по своему внешнему облику: более обильным развитием бороды, более суженным горизонтальным профилем лица, более высоким корнем и крыльями носа и др. признаками, характерными переднеазиатскому типу. Придерживаясь иудейской религии, они не смешивались с таджиками, хотя говорили на одном с ним языке и мн. традиции и обычаи обоих были схожи. До революции основное место в экономической жизни Е. занимали торговля, ремесла. Им было разрешено винокурение и торговля крепкими напитками. Среди них имелись богатые предприниматели, владевшие хлопко-очистит. заводами, магазинами, торговавшими мануфактурой. Таковыми являлись, в частности, Х.Исхакаев, Або Пинхасов, Р. Потеляхов, Шихнаев, Б. Пинхасов, братья Т. и Х. Симхаевы. Наиболее распространенным занятием среди Е., после торговли, было красильное ремесло. По сообщению Н.О. Турсунова, в Худжанде 16 дворов специализировались в крашении («рангуборчиги»). Большинство мастерских по изготовлению красок в Худжанде также принадлежало Е. Эти мастерские располагались в кварталах Пули Чукур (мастерская Мулло Бобо), Румон, Калаи нав (Шахмуровы), Раззак (мастер Шалум), Сари Баланди (мастер Або), Гузарчай Кози (мастер Муше), а также кварталах Гузари Охунд, Тубахон, Джонбахорон и др. Мастера Довуди Бобо занимались исправлением и налаживанием швейных машин германской фирмы «Зингер». Были также ткачи, портные, сапожники, занимавшиеся починкой обуви («кухнадуз»), парикмахеры («муйсаргир»), жестянщики («тунукасос») и

др. Е. обращались к тадж. табибам -лекарям. Лекар Усто Шалум занимался лишь лечением костных переломов, вывихов. Своей силой славился полвон-силач Усто Або, краситель. Он водил дружбу с известным тадж. ученым, художником Ходжи Юсуфом Мирфаязовым. Е. наряду со своими праздниками «Пурим», «Песах» («Пасха»), «Шавуот», «Хушхури» и др. отмечали и тадж. – «Иди сари сол», «Гули сурх», «Навруз». Функционировала в Худжанде и еврейская школа - хедер. По архивным данным в 1892 в ней учились 20, в 1914-35, в 1916-40 мальчиков.

Статьей 262 Положения об управлении Туркестанским краем евреи, водворившиеся в этот край с незапамятных времен, равно как и происходящее от них потомство, были причислены к местным жителям, что было затем разъяснено законом 23.5.1889. В 1871 в г. Худжанде проживало 250 евреев, из них мужчин-190, женщин -60. А по данным 1916, из 41.299 чел. проживавших в городе, евреи составляли примерно 1% Худжанд по своему географич. положению служил для них своего рода «перевалочным пунктом» между Бухарой и Ташкентом, др. городами Ферганской долины. Через него евреи рассеялись по пром-торг. центрам бывшего Кокандского ханства (Коканд, Маргелан, Андижан) Кладбище Е.х. по сей день находится в юговост. части города, неподалеку от сая Ходжабакырган. Основано оно 140-150 лет назад. Этот уч-к земли был куплен евреями у правителя Худжанда еще до прихода в город русских. На надгробной плите одной из могил имеется надпись на тадж. яз., датированная 1865г

Имелась в Худжанде и особая группа евреев – т.н. еврей-чала, принявшие ислам. Они составляли основную часть населения квартала Таги Савр, расположенного к зап. от базара Панджанбе Со времени поселения в Худжанде первых групп чала, по словам А. Бадалова,

прошло 6 поколений. Глава первой группы мулло Полвони чала переселились в Худжанд из Бухары. Позднее из Шахрисябза и Самарканда прибыли еще 2 семейства во главе с Юсуфи савдогаром (торговцем) и Бароти чала. Последний стал позднее владельцем шелкомотальной фабрики в Худжанде. Жили они обособленно, невест себе привозили из Бухары. Со временем все семьи между собой породнились, а в конце – концов, смешавшись с коренным населением города, потеряли свои особенности, забыли традиции и ныне как отд. этнич. группа не существуют. Уже в 1903 в рапорте начальника Худжандского уезда на имя Туркестанского ген-губернатора сообщалось что евреев-чала в Ходжентском уезде нет.

Местные жители-таджики к обоим группам относились дружелюбно, были с ними в весьма хороших отношениях. Последние отвечали им тем же. Изменения в массовом сознании, происшедшие после рев-ции, еще более укрепили эту дружбу и взаимную спайку. Искренне человеческое отношение, бытовавшее в Худжанде между таджиками и евреями, не имело аналогов даже в таких старых, признанных центрах культуры, как Бухара и Самарканд. Поэтому еврей, однажды обосновавшийся в Худжанде, испытывал к нему нежные сыновьи чувства. К отъезду из города его вынуждали только острая необходимость. Так, после рев-ции, один еврейский род переселился в Самарканд, небольшая часть переселилась в Ташкент, в 1929-32 годах двадцать дворов евреев Худжанда переселилось в новую столицу – Сталинабад. Во всех этапах соц. строительства евреи трудились бок о бок со своими тадж. и русскими братьями. и когда настал час отстоять эти завоевания, смело выступили на защиту Родины. Десятки евреев из Худжанда сражались на фронтах Вел. Отч. Войны, показывая образцы героизма и

самоотверженности. Среди отличившихся можно назвать Г. Якубова, Я. Дниэлова, братьев И. и М. Зхакиновых, М. Кайкова, Б. Исхакова, А. Бадалова, Ю. Мушеева, братьев У. и Р. Абаевых, Э. Бадалова, М. Мататова и др.

Наряду с представителями других нац-й евреи внесли весомый вклад в послевоенное развитие и благоустройство города, повышение ее культуры и благосостояния. Известностью и уважением в Худжанде пользовались зам. директора шелкокомбината А. Катаев, директор школы механизации М. Козиев, актриса област. театра Л. Давыдова, педагоги Н. Давыдов, Я Хаимов, А. Абаева, Р. Хаимов, А. Михайлов, Я. Каландаров, И. Закинов, Р. Авезов, юристы Р. Ниязхов, Р. Абаев, нач. предприятия «Хладторгмонтаж» Д. Хаимов, подполковник милиции Б. Абаев, инженеры-транспортники Г. Борухов, М. Мушеев певец С. Хаимов, таксист Усто Барух Дадобоев. Тихая, размеренная и вместе с тем благополучная жизнь евреев была нарушена в 1980-е годы, когда эмиграционная возня, подогреваемая извне, коснулась и их. Еще более усилили «чемоданные» настроения нестабильность и гражд. война, разразившаяся в Тадж-е в 1990-92. В этот период большинство местных евреев, вопреки настояниям своих друзей таджиков, эмигрировало в Израиль, США и Канаду. К настоящему времени в Худжанде осталось не более 15 еврейских семей. Однако и уехавшие вскоре восстановили связи с родным городом, стали часто приезжать, вынашивают планы создания совместных с худжанцами предприятий.

А. Юсупов, Х. Шарипов
*«Худжанд», Главная редакция
таджикских энциклопедий,
Душанбе, 1999 г. стр. 292-294.*

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

По статистическим данным, основанным на переписи населения в 2000-м году, в Таджикистане тогда проживало всего 182 еврея, в том числе бухарских (среднеазиатских) – 15. Естественно, в предыдущие годы цифры эти были значительно выше. Для сравнения, число евреев в 1989 году достигало 9701 человек, бухарских – 4879. В 1979 году соответственно – 13403 и 1180 человек.

В настоящее время, по свидетельству раввина Душанбинской синагоги Михаила Иосифовича Абдурахманова, в Таджикистане проживает порядка 200 евреев, включая 15-20 бухарских.

Большинство бухарских евреев выехало за пределы республики в начале 90-х годов прошлого века во время гражданской войны.

Кроме Душанбе и Худжанда, бухарские евреи отдельными семьями жили в городах Курган-тюбе, Кулябе, Хороге, Гиссарском, Орджоникидзебадском (ныне Вахдат), Пянджском и других районах. Все они были заняты в основном в сфере бытового обслуживания, народного образования, здравоохранения и т.д.

В городе Курган-тюбе, например, большим уважением и известностью пользовался Лазар Ариевич Абдурахманов. Крупный организатор и опытный педагог, он с 1961-го по 1990-й год бессменно являлся директором Курган-тюбинского энергетического техникума. Десять раз избирался депутатом горсовета, награждён орденами Трудового Красного знамени и Знак Почёта. На педагогической работе была и его супруга, Роза Рубиновна. В 1993 году семья Абдурахмановых переехала в Государство Израиль.

Весьма интересной представляется и судьба многочисленной семьи Юнусовых из Бухары. По всей видимости, это первая бухарско-еврейская семья, поселившаяся в 1929 году в Кулябе. Переезд эти отдалённые края супругов Юнусовых – Вениамина (1900-1983) и Касим (1900-1983) не был случайным. В исторической повести С.Айни «Палачи Бухары» упоминается и еврей Абрам Юнусов, в 1918 году казненный вместе с юным сыном по приказу Эмира Бухарского за участие в движении джадидов- местной либеральной буржуазии против средневековых порядков. Этот факт приводит в своей исповедальной книге «Как я стала актрисой» и Народная артистка СССР Мирьям Юнусова, дальняя родственница Юнусовых. Остальные члены семьи Юнусовых, опасаясь репрессий, были вынуждены скрываться.

Нелегко им пришлось и в первые послереволюционные годы. Так в годы НЭП-а Юнусовы оказались в Восточной Бухаре.

Вениамин Юнусов всю жизнь проработал банковским служащим. В общей сложности у Юнусовых было десять детей – дочь и девять сыновей. Младшие сыновья - Иосиф и Борис родились в городе Кулябе. Двое – Шамуэль и Якуб погибли на фронтах ВОВ. Их имена включены в «Книгу памяти», изданную в 2005 году Главной редакцией Таджикской Национальной Энциклопедии. Остальные все получили высшее образование в престижных ВУЗах бывшего СССР и в дальнейшем занимали высокие посты. Абрам Юнусов многие годы был заместителем министра строительства, а затем коммунального хозяйства Таджикской ССР, Низом (Нисон) возглавлял крупный совхоз в Ленинградской области, Иосиф был директором проектного института Центросоюза в Душанбе. Берта

работала врачом. Борис Юнусов, выпускник Московского энергетического института, кандидат экономических наук, Заслуженный энергетик. Ныне Борис Вениаминович является персональным пенсионером, за особые заслуги перед республикой.

Как и Юнусовы, в Кулябе большое уважение снискала себе и семья Маллаевых. Борис Маллаев в течение пятнадцати лет возглавлял Кулябской городской, а затем областной отдел здравоохранения. Под его руководством была построена целая сеть лечебных учреждений, амбулаторий, налажено медико-санитарное обслуживание населения. Борис Маллаев удостоился звания «Заслуженный врач республики», неоднократно избирался депутатом Кулябского городского и областного совета. В 1992 году он вместе с семьей переехал в Государство Израиль.

Еврейские семьи, где бы они ни жили, как правило, оставляли о себе добрую память.

К слову, в 1998 году во время съёмок телевизионно-документального фильма «От Душанбе до Тель-Авива», автору этих строк довелось наряду с другими выходцами из Таджикистана встретиться в Тель-Авиве с Лазарем Абдурахмановым и Борисом Маллаевым. Они, как и многие другие, сохранили самые добрые чувства к Таджикистану и веру в его дальнейшее процветание.

* * *

«В Тель-Авиве мы посетили мастерскую ученика Народного художника Таджикистана Мирзорахмата Олимова – Якова Бегимова, чей талант окреп и возмужал на нашей земле. У него есть примечательная картина: на фоне вечного белокаменного Иерусалима – дерево с зеленой кроной и тремя могучими переплетенными корнями, символизирующими жизнь и три великие

религии – иудаизм, христианство и ислам, значение которых в мире трудно переоценить. Если перерубить один из корней, дерево зачахнет... Чтобы существовать, надо сосуществовать».

Из книги Мансура Суруша «Время и мысли»
(Публицистика разных лет), Душанбе, 2009.

Мундарича

Мансур Суруш. Дар бораи як асари номаълуми устод Айни	3
Садриддин Айни. Конституцияи сталини ва яхудиҳои меҳнаткаш	11
Имомов Муҳаммадҷусф. Ба сӯи шинохти нави Садриддин Айни	22
Суратҳо	30

Содержание

Мансур Суруш. Айни о евреях	39
Садриддин Айни. Сталинская конституция и еврейские трудящиеся	47
Имомов Муҳаммадҷусф. К новому познанию Садриддина Айни	58
Краткие сведения об истории еврейской диаспоры в Таджикистане Евреи в Душанбе	67
Евреи в Худжанде	70
От составителя	75

ISBN 978-99947-824-7-5

Мансур Суруш.
Садриддин Айни ва яхудиёни бухорӣ
Садриддин Айни и бухарские евреи

Мухаррирон: Қурбоналӣ Раҳмонов,
Вячеслав Семеров
Мухаррири техникӣ: И. Исобоев

Ба матбаа 8.10.2011 супорида шуд. Ба чопаш 11.11.2011 имзо гардид.
Қоғази «Снегурочка». Андозааш 60x84/16. Гарнитурааш Times New
Roman Tj. Чузи чопи шартӣ 5,0. Супориши № 356.
Теъдод 400 нусха.

Матбааи “Ношир”
735700, ш.Хучанд, кўчаи Сейтвелиев, 2

Мансур Суруш (Сайфиддинов Мансур Сайдалиевич) нависанда, драматург, журналист ва тарҷумони тоҷик. Ӯ забонҳои русӣ ва тоҷикӣ иншо менамояд. Муаллифи асарҳои «Табъид», «Ҳалвои ошӣ», «Чала», «Нишонии Азроил», «Гуноҳи деворбаст», «Пули заррин», «Намози бомдод», «Замон ва андеша» ва повести «Чала» мебошад. Намоишномаҳои ӯ «Акси садои тӯлонӣ», «Шиквае аз ту надорам, асри ман», «Халифа – Лаклак» дар театрҳои русӣ-драмавии ба номи В. Маяковский (Душанбе) ва А. С. Пушкин (Чкалов), инчунин театри Ёзбекии ҷумҳуриявии ба номи Ш. Бурҳонов ба сахна гузошта шудаанд. Муаллифи сценариҳои филми телевизионии «Аз Душанбе то Тел-Авив». Асарҳои як қатор нависандагони тоҷикро ба забони русӣ тарҷума кардааст.

Барандаи мукофотҳои адабии Айни ва Лоҳутӣ мебошад.

Мансур Суруш (Сайфиддинов Мансур Сайдалиевич) - писатель, драматург, журналист и переводчик. Пишет на русском и таджикском языках. Автор сборников рассказов и статей «Изгнание», «Мировая халва», «Метка Азроила», «Замурованный грех», «Золотой мост», «Утренняя молитва», «Время и мысли» и повести «Чала». Его пьесы «Долгое, долгое эхо», «Вы меня еще успеете убить», «Я на тебя не жалуюсь, мой век!», «Калиф - Аист» шли на сценах Русского - драматического им. Вл. Маяковского (Душанбе), Чкаловского имени А. С. Пушкина, узбекского республиканского им. Ш. Бурханова театров. Автор сценария телевизионно-публицистического фильма «От Душанбе до Тел-Авива». Перевёл произведения ряда таджикских писателей на русский язык. Лауреат премий СПТ им. С. Айни и СЖТ им. Лахути.

Имомов Муҳаммадҷусуф Сайдалиевич – доктори илмҳои филологӣ, профессор, узви вобастаи АИ Ҷумҳурии Тоҷикистон, яке аз айнишиносони пешбари кишвар. Муаллифи таҳқиқоти сершумори илмӣ ва илмии омтавӣ роҷеъ ба ҳаёту эҷодиёти Садриддин Айни ва дигар масъалаҳои таърих ва назарияи адабиёти классикӣ ва муосири тоҷик, аз ҷумла монография ва маҷмӯаи мақолоти илмӣ «Ҷаҳонбинӣ ва тафаккури бадеии Садриддин Айни», «Маънавият ва нақши зоҳир», «Сужет ва тасвир дар насри Садриддин Айни», «Хирмани андеша».

Аълоҷии маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон, узви пайвастаи Академияи илмҳои иҷтимоӣ ва педагогии Федератсияи Россия, узви Иттифоқи нависандагони Тоҷикистон, дорандаи ҷоибаи байналмилалӣ ба номи Сукрот (оксфорд, Англия).

Имомов Муҳаммадҷусуф Сайдалиевич – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН Республики Таджикистан, один из ведущих айниведов Таджикистана. Автор многочисленных научных и научно-популярных работ посвященных исследованию жизни и творчества Садриддина Айни и другим вопросам истории и теории классической и современной таджикской литературы, в том числе монографий и сборников научных статей: «Мировоззрение и художественное мышление Садриддина Айни», «Духовность и внешний образ», «Сюжет и образ в прозе Садриддина Айни», «Мир мыслей».

Отличник образования Республики Таджикистан, академик Академии педагогических и социальных наук Российской Федерации, член Союза писателей Таджикистана, лауреат международной премии Сократа (оксфорд, Англия).